

Лживый брак

Автор:

Кимберли Белль

Лживый брак

Кимберли Белль

Айрис и Уилл счастливо женаты уже семь лет. Они любят друг друга, их брак близок к совершенству. Но однажды утром, когда Уилл отправляется в командировку во Флориду, счастливый и безмятежный мир Айрис рушится. Потерпел крушение «боинг», летевший совсем в другом направлении, в Сиэтл. Выживших нет. И по сообщению авиакомпании, Уилл – один из погибших пассажиров. Айрис потрясена известием, но отказывается верить, считает случившееся недоразумением. Однако телефон мужа молчит, а на месте авиакатастрофы находят его вещи и обручальное кольцо. Почему же Уилл солгал о том, куда направляется? Что понадобилось ему в Сиэтле? О чем еще он врал ей? Айрис старается разобраться в странной и, возможно, криминальной истории. Ответы, которые она получит, перевернут всю ее жизнь.

Кимберли Белль

Лживый брак

Роман

Кристи Барретт, очаровательной ведьмочке

Kimberly Belle

The Marriage Lie

a novel

* * *

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

The Marriage Lie Copyright © 2016 by Kimberle Swaak-Maleski

«Лживый брак» © Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

Я просыпаюсь оттого, что вокруг моей талии обвивается рука мужа, и каждой клеточкой тела – от головы до пят – оказываюсь прижатой к его разгоряченной сном коже. Вздохнув, удобней устраиваюсь в объятиях мужа, прижимаясь

спиной его груди и чувствуя, как меня окутывает родное тепло. Во сне Уилл всегда горячий, словно печка, а у меня какая-нибудь часть тела обязательно оказывается замерзшей. Сегодня утром это ступни, и я пристраиваю их между его теплыми лодыжками.

– У тебя ноги как ледышки. – Во мраке комнаты слова звучат приглушенно, и я скорее ощущаю вибрацию, чем слышу его голос. За шторами, закрывающими окно нашей спальни, еще не утро, а тот окрашенный в сиреневые тона час, который бывает между ночью и днем, и до звонка будильника около получаса. – Они что, свешивались с кровати?

Апрель еще только начинается, а март пока не ослабил своих ледяных объятий. Последние три дня небо было затянуто свинцовыми тучами, непрерывно лил дождь, и холодный ветер прочно удерживал столбик термометра ниже нулевой отметки. Судя по прогнозу, терпеть такую погоду нам предстоит по крайней мере еще неделю, но Уилл, единственный из жителей Атланты, не боится холода и держит окна широко открытыми. Ему всегда жарко, будто внутри у него встроенный обогреватель.

– Это потому, что тебе нравится спать на морозе. Я себе уже все конечности отморозила.

– Иди сюда. – Его пальцы скользят по моему боку, и он теснее прижимает меня к себе. – Давай я тебя согрею.

Какое-то время мы лежим в уютной тишине, рукой он обнимает меня за талию, его подбородок покоится в ложбинке у моего плеча. Кожа Уилла влажная и чуть липкая после сна, но я не обращаю на это внимания. Это один из тех сокровенных моментов, которыми я особенно дорожу, в эти минуты, как и в минуты близости, стук наших сердец и дыхание сливаются воедино.

– Ты мой самый любимый человек на планете, – шепчет он мне на ухо, я улыбаюсь. Эти слова заменяют нам привычное «я люблю тебя» и значат для меня гораздо больше. Каждый раз, когда они срываются с его губ, я слышу в них обещание. Я люблю тебя больше всех, и всегда буду любить.

– И ты тоже мой самый любимый человек.

Подруги уверяют меня, что так будет не всегда и я перестану чувствовать такую неразрывную связь с мужем. Скоро, говорят они, привычка погасит пламя, и я начну замечать других мужчин. Я стану румянить щеки и подкрашивать губы не для мужа, а для безымянных незнакомцев, и буду представлять, как они трогают меня там, где дозволено трогать только мужу. Подруги называют это «зудом седьмого года брака», но я с трудом представляю себе, что такое может произойти, поскольку сегодня – как раз семь лет и один день после свадьбы – рука Уилла скользит по моей коже, и единственный зуд, который я испытываю, – это зуд желания, которое он во мне вызывает.

Мои сомкнутые веки начинают трепетать, возбуждение, вызванное его прикосновениями, говорит о том, что сегодня я, похоже, опоздаю на работу.

– Айрис? – шепчет он.

– М-м-м?

– Я забыл поменять фильтры в кондиционере.

Я открываю глаза.

– Что?

– Я говорю, что забыл поменять фильтры в кондиционере.

Я смеюсь.

– Так и думала. – Уилл гениальный программист, но немного рассеян, а его мозг так перегружен информацией, что он вечно забывает о всяких мелочах... но только не в сексе. На сей раз я отношу его забывчивость к необычайно большой загруженности на работе, а также к тому факту, что муж собирается на трехдневную конференцию во Флориду, так что список его дел на сегодня длиннее обычного. – Но ты сможешь заняться этим на выходных, когда вернешься.

– А если тепло наступит раньше?

- Вряд ли. Но даже если и так, фильтры вполне могут пару дней подождать.
- А в твоей машине, наверно, нужно поменять масло. Когда ты последний раз это делала?
- Не знаю.

Мы с Уиллом делим домашние обязанности по половому признаку. Машины и дом на нем, а я занимаюсь готовкой и уборкой. Такое разделение труда устраивает нас обоих. В колледже я была феминисткой, но замужество научило меня быть практичной. Готовить лазанью гораздо приятней, чем чистить канавы.

- Посмотри квитанции со станции техобслуживания, хорошо? Они в бардачке.
- Хорошо. Но что это за внезапный интерес к домашним делам? Я тебе уже наскучила?

Я чувствую, как Уилл ухмыляется мне в затылок.

- Может, это то, что в книгах для беременных называется инстинктом гнездования?

При воспоминании о том, что мы пытаемся осуществить – и, может быть, уже осуществили, – у меня в груди вспыхивает радость, и я оборачиваюсь к мужу:

- Я еще не могу быть беременна. Официально мы занимаемся этим меньше суток.

Один раз прошлым вечером перед ужином и два раза после. Возможно, для первого раза мы несколько перестарались, но в нашу защиту могу сказать, что, во-первых, это была наша годовщина, а во-вторых, у Уилла классический синдром отличника.

В его глазах светится самодовольство. Если бы расстояние между нашими телами позволило, он бы точно начал бить себя кулаками в грудь.

- Уверен, что мои ребята отличные пловцы. Ты наверняка уже беременна.

– Вряд ли, – отвечаю я, хотя от его слов у меня начинает кружиться голова. Из нас двоих Уилл более прагматичен, ему всегда удастся сохранить спокойствие на фоне моего неумного оптимизма. Я решаю не сообщать ему, что уже произвела все нужные расчеты. В специальное приложение для телефона я ввела данные о продолжительности моего цикла и подсчитала, сколько дней прошло с начала последних регул. Но Уилл прав, вполне возможно, что я уже забеременела.

– На седьмую годовщину свадьбы принято дарить шерсть или медь. Ты подарил мне свою сперму.

Он улыбается, но как-то нервно, будто сделал что-то, чего не должен был делать.

– Не только.

– Уилл...

В прошлом году, по его настоянию, мы вложили все наши сбережения и значительную часть нашего ежемесячного дохода в ипотеку, что заставило нас здорово затянуть пояса. Но зато что за дом! Точь-в-точь как мы мечтали – в викторианском стиле, с тремя спальнями, на тихой улице в районе Инман-Парк, с широким крыльцом и оригинальной деревянной отделкой. Мы вошли в дом, и Уилл сказал, что мы должны его купить, даже если половина комнат будут стоять пустыми. На ту годовщину мы обошлись без подарков.

– Знаю, знаю, но я просто не мог удержаться. Мне хотелось купить тебе нечто особенное. Что-то, что всегда будет напоминать тебе о том времени, когда нас было еще двое. – Он поворачивается, включает лампу, вытаскивает из ящика прикроватной тумбочки маленькую, красную коробочку и со смущенной улыбкой протягивает ее мне. – Поздравляю с годовщиной.

Даже я способна узнать «Картье» с первого взгляда. В этом магазине даже пылинки стоят больше, чем мы можем себе позволить. Увидев, что я не спешу открывать подарок, Уилл надавливает большим пальцем на замочек и приподнимает крышку – внутри знаменитое кольцо из трех переплетенных звеньев, одно из которых украшают ряды крошечных брильянтов.

– Это «Тринити». Розовое символизирует любовь, желтое – верность, белое – дружбу. Мне нравится символ троицы – ты, я и будущий ребенок.

Я пытаюсь сдержать слезы, Уилл берет меня за подбородок и заглядывает в глаза.

– В чем дело? Тебе не нравится?

Я дотрагиваюсь пальцем до белых камней, сверкающих на красной коже. Правда заключается в том, что Уилл не мог бы выбрать лучшего подарка. Кольцо простое, изысканное, восхитительное. Я выбрала бы именно такое, будь у нас все деньги мира, но увы.

И все же я хочу это кольцо гораздо сильнее, чем следует, – не потому, что оно красивое или дорогое, а потому, что Уилл был так внимателен, выбирая его для меня.

– Оно чудесное, но... – Я качаю головой. – Это слишком. Мы не можем себе позволить.

– Ничего не слишком. Не для матери моего ребенка. – Он внимает кольцу из коробочки и надевает его мне на палец. Кольцо холодное и тяжелое и сидит идеально, охватывая кожу под суставом так плотно, будто сделано специально для меня. – Подари мне маленькую девочку, которая будет похожа на тебя.

Мой взгляд скользит по лицу мужа, находя каждую из дорогих моему сердцу черточек. Вот тонкий шрам, пересекающий левую бровь. Горбинка на переносице. Широкая, квадратная челюсть и сочные, созданные для поцелуев губы. Глаза у него еще сонные, волосы спутаны, и подбородок колючий от щетины. Со всеми его привычками и настроениями, со всеми сторонами его натуры, которые я успела узнать за время нашего брака, сильнее всего я люблю его, когда он вот такой, как сейчас: милый, добрый, взъерошенный.

Я улыбаюсь ему сквозь слезы:

– А если будет мальчик?

– Значит, будем продолжать, пока я не получу мою девочку. – И он целует меня долгим поцелуем, не спеша отрывать свои губы от моих. – Тебе нравится кольцо?

– Очень. – Я поднимаю руку и обнимаю его за шею, брильянты вспыхивают у его плеча. – Оно великолепно, так же как и ты.

Уилл улыбается.

– Может, нам стоит еще раз повторить, прежде чем я уйду, просто на всякий случай?

– У тебя самолет через три часа.

Но его губы уже скользят вниз по моей шее, а рука опускается все ниже и ниже.

– Что ты думаешь?

– Я думаю, что идет дождь. Будут жуткие пробки.

Он переворачивает меня на спину, пригвождая к кровати.

– Тогда поторопимся.

2

Обучение в академии Лейк-Форест, привилегированной школе с двенадцатилетней системой обучения, расположенной в зеленом пригороде Атланты, где я работаю методистом, стоит 24 435 долларов. С учетом пятипроцентной инфляции тринадцать лет пребывания вашего чада в этих священных стенах обойдутся вам более чем в четыреста тысяч, и это еще до того, как оно поступит в колледж. У нас учатся сыновья и дочери главврачей и директоров компаний, банкиров и предпринимателей, ведущих крупных новостных каналов и профессиональных спортсменов. Отпрыски самых богатых и состоятельных родителей и самые испорченные дети, каких только можно

себе представить.

Я вхожу в двустворчатые двери в начале одиннадцатого – опоздав на добрых два часа, благодаря неторопливости Уилла и гвоздю на дороге – и направляюсь по застеленному ковром коридору. В здании стоит тишина, какая бывает, только когда ученики сидят по классам, уставившись в экраны своих ноутбуков, естественно самой последней модели. Сейчас середина третьего урока, так что можно не торопиться.

Завернув за угол, я не слишком удивляюсь, когда вижу двух подростков, стоящих в коридоре около двери в мой кабинет, склонив головы над своими гаджетами. Ученики знают, что мои двери всегда открыты для них, и часто этим пользуются.

Но тут из класса в коридор выбегают еще ребята, они возбужденно переговариваются, и тревога, звучащая в их голосах, заставляет мои ноги прирасти к полу.

– В чем дело? Почему вы не в классе?

Бен Уиллер поднимает голову от айфона.

– Самолет упал. Говорят, он вылетел из Хартсфилда.

Ужас сдавливает мне грудь, сердце прекращает биться.

Я приваливаюсь к шкафчику для одежды.

– Какой самолет? Где?

Он пожимает худым плечом:

– Подробности пока не известны.

Я протискиваюсь через толпу учеников, кидаюсь к столу и хватаю трясущимися руками компьютерную мышку.

– Ну давай, давай, – шепчу я, выводя компьютер из спящего режима.

Лихорадочно пытаюсь вспомнить, что мне известно про рейс Уилла. Его самолет полчаса как должен быть в воздухе и уже подлетать к Флориде. Несомненно, совершенно точно, упал совсем другой самолет. Я имею в виду, так ведь может быть? Из аэропорта Атланты каждый день вылетают тысячи самолетов, и они просто так не падают с неба. И конечно же никто не пострадал.

– Миссис Гриффит, с вами все в порядке? – окликает меня от дверей Эва, хрупкая десятиклассница, но у меня так шумит в ушах, что я с трудом слышу ее слова.

Интернет-браузер наконец загружается, и я негнущимися пальцами набираю в поисковике адрес новостного сайта CNN. И начинаю молиться: «Господи, пожалуйста, только не Уилл».

Фотографии, которые заполняют экран через несколько секунд, шокируют. Развороченные останки самолета разбросало взрывом, на обугленном поле там и сям валяются дымящиеся обломки. Жуткая катастрофа, худшее из того, что могло произойти, в таких случаях надежды найти выживших не остается.

– Вот бедняги, – шепчет Эва прямо над моей головой.

Накатывает тошнота, в горле начинает саднить, и я прокручиваю изображение вниз, пока не нахожу сведения о рейсе. «Либерти эйрлайнс», рейс 23. Тут я с шумом выдыхаю и чувствую, как от облегчения мое тело становится ватным.

Эва осторожно касается моей руки:

– Миссис Гриффит, в чем дело? Чем я могу помочь?

– Все в порядке. – Слова даются мне с трудом, воздуха по-прежнему не хватает, как будто легкие еще не вспомнили, как дышать. Знаю, я должна испытывать сострадание к пассажирам рейса 23 и их семьям, к тем несчастным, разорванным на куски в небе над кукурузным полем где-то в Миссури, к их родным и друзьям, которые узнали о произошедшем так же, как и я, из соцсетей и этих ужасных фотографий на экранах компьютеров, но вместо этого ощущаю лишь облегчение. Оно действовало на меня как валиум, быстро, мощно и эффективно. – Уилла не было в том самолете.

– Кто такой Уилл?

Я тру руками щеки и стараюсь успокоиться, но паника не отступает.

– Мой муж. – Хотя я уже в который раз повторяю себе, что это не тот самолет, пальцы по-прежнему дрожат, а сердце бьется как сумасшедшее. – Он сейчас летит в Орландо.

Ее глаза широко распахиваются.

– Вы думали, он в том самолете? Господи, неудивительно, что вы так раскисли.

– Я не раскисла, просто... – Я прижимаю ладонь к груди, делаю глубокий вдох и откашливаюсь. – Вообще-то моя реакция полностью соответствует ситуации. Сильный страх спровоцировал резкий выброс адреналина, и тело отреагировало. Но теперь я в порядке. Буду в порядке.

От того, что я громко вслух объясняю физиологические реакции своего тела, облекая их в научные термины, тиски, сжимающие мою грудь, понемногу слабеют, а пульсация в голове стихает. «Слава богу, это был не самолет Уилла».

– Да ладно, я вас не осуждаю. Я видела вашего мужа. Он клевый. – Эва бросает рюкзак на пол и усаживается на стул в углу, закидывая ногу на ногу. Юбка у нее намного короче той длины, которую предписывают школьные правила. Как и многие девочки в школе, Эва подворачивает пояс юбки, пока подол не оказывается до неприличия высоко. Ее взгляд останавливается на моей правой руке, до сих пор прижатой к груди.

– Кстати, классное кольцо. Новое?

Я роняю руку на колени. Конечно, Эва не могла не заметить кольцо. И ей наверняка известно, сколько оно может стоить. Я игнорирую комплимент, сосредоточившись на первой половине фразы.

– Где ты видела моего мужа?

– На вашей странице в «Фейсбуке». – Она ухмыляется. – Если бы каждое утро просыпалась рядом с таким мужчиной, я бы тоже опаздывала на работу.

Я напускаю на себя строгий вид.

– Я, конечно, рада поболтать с тобой, но не пора ли тебе вернуться в класс?

Хорошенькие губки Эвы кривятся в недовольной гримасе. Даже нахмуренная, она все равно великолепна. Незабываемо, до боли прекрасна. Большие голубые глаза. Нежная кожа. Длинные, блестящие каштановые локоны. К тому же она умна и, если захочет, может быть невероятно смешной. Она может заполучить любого мальчишку в школе... и своего не упускает. Эва не слишком разборчива, и, если верить «Твиттеру», добиться ее расположения не трудно.

– Я прогуливаю, – говорит она тоном, каким обычно разговаривают с маленькими детьми.

Одариваю ее профессиональной улыбкой психолога, дружеской и без капли осуждения.

– Почему?

Эва вздыхает и закатывает глаза.

– Потому что избегаю находиться в одном помещении с Шарлоттой Уилбэнкс и дышать с ней одним воздухом. Она ненавидит меня, и, уверяю вас, это чувство взаимно.

– Почему ты думаешь, что она тебя ненавидит? – спрашиваю я, хотя уже знаю ответ. Вражда бывших лучших подруг, Шарлотты и Эвы, давняя, и о ней всем прекрасно известно. Что именно послужило поводом к войне много лет назад, уже никто не и помнит, все похоронено под ворохом пошлых и обидных сообщений в «Твиттере», в которых выражение «дрянная девчонка» приобрело совсем иной смысл. Судя по тому, что я видела вчера в ленте, сейчас они ссорятся из-за своего одноклассника Адама Найтингейла, сына легенды кантри-музыки Тоби Найтингейла. В прошедший уик-энд, судя по фотографиям, Эва и Адам обнимались в местном фреш-баре.

– Да кто знает? Наверное, потому, что я красивее. – Она придиричиво разглядывает свой совершенный маникюр, ярко-желтый гель сверкает так, будто его только вчера нанесли.

Так же как и у многих других учеников в этой школе, родители Эвы готовы дать дочери все, чего она ни пожелает. Кабриолет последней модели, путешествия первым классом по экзотическим местам, платиновую карту «Американ экспресс» и свое благословение. Но осыпать дочь подарками не означает уделять ей внимание, и, если бы родители пришли ко мне на прием, я посоветовала бы им подавать ей лучший пример. Мать Эвы – известная в Атланте светская львица, обладающая уникальной способностью смотреть в другую сторону каждый раз, как отец девочки, пластический хирург, которого в городе называют «Мистер грудь», лапает очередную девицу в два раза моложе его самого, а это случается часто.

В университете меня учили, что природа и воспитание в равной степени влияют на характер человека, но мой профессиональный опыт говорит о том, что воспитание всегда берет верх. Чем больше ошибок совершают родители, тем больше их совершает ребенок. Вот так все просто.

Но я также уверена, что у всех, даже у самых плохих родителей и самых невоспитанных детей, есть оправдание. В случае Эвы оно заключается в том, что она ничего не может с собой поделать. Ее такой сделали родители.

– Уверена, что если ты немного подумаешь, то сможешь найти причину получше...

– Тук-тук. – В дверях возникает директор старшей школы Тед Роулингс. Тощий и долговязый, с шапкой густых темных волос, Тед напоминает мне пуделя, он серьезен во всем, только не в выборе галстуков. У него их, должно быть, сотни, и все они совершенно чудовищны, нелепы и непременно со школьной тематикой, но каким-то непостижимым образом ему удается выглядеть в них обаятельно. Сегодня на нем ярко-желтый галстук из полиэстера с физическими формулами. – Полагаю, вы уже слышали об авиакатастрофе.

Я киваю и перевожу взгляд на фотографии на экране. Несчастные люди. Несчастные семьи.

– Наверняка в том самолете были чьи-то знакомые, – говорит Эва. – Вот увидите.

От ее слов у меня по спине бегут мурашки. Конечно, она права. Атланта – большая деревня, где точно действует теория шести рукопожатий. Вероятность того, что у кого-то из учеников или сотрудников школы могут оказаться знакомые среди жертв авиакатастрофы, очень велика. Остается только надеяться, что среди них не будет чьих-то родственников или близких друзей.

– Дети встревожены, – говорит Тед. – Это вполне понятно, так что о работе в классе сегодня можно забыть. Но я хотел бы с вашей помощью попытаться извлечь уроки из этой трагедии. Нужно создать для учеников место, где бы они чувствовали себя в безопасности и могли поговорить о произошедшем или задать вопросы. И если мисс Кэмпбелл права и кто-то в Лейк-Форест потерял близких в катастрофе, мы должны быть готовы оказать им моральную поддержку.

– Звучит превосходно.

– Отлично. Рад, что вы со мной согласны. Я объявлю общее собрание в актовом зале, и вы поможете мне его провести.

– Разумеется. Только дайте мне пару минут на то, чтобы взять себя в руки, и я присоединюсь к вам.

Тед ударяет кулаком по двери и торопливо удаляется. Услышав, что урок литературы отменен, Эва поднимает рюкзак и некоторое время копается в нем, пока я ищу в ящике стола пудреницу.

– Вот. – Она вываливает мне на стол кучу тюбиков с дорогой косметикой. Chanel, Nars, YSL, Mac. – Не обижайтесь, но вам это сейчас нужней, чем мне.

И она мягко улыбается.

– Спасибо, Эва. Но у меня все есть.

Однако Эва не спешит убирать косметику и стоит, переминаясь с ноги на ногу и крутя одной рукой лямку рюкзака. Она покусывает губы и внимательно

разглядывает мыски своих оксфордских туфель, и мне приходит в голову, что за бравадой вполне может скрываться застенчивость.

– Я правда рада, что вашего мужа не было в том самолете.

На этот раз облегчение накатывает медленной волной, согревая меня, как жар разгоряченного во сне тела Уилла сегодня утром.

– Я тоже.

Когда она наконец уходит, я достаю телефон и набираю номер Уилла. Я знаю, что он сможет ответить еще только примерно через час, но мне нужно услышать его голос, пусть даже на автоответчике. От мягкого, знакомого голоса напряжение в мышцах ослабевает.

«Это голосовая почта Уилла Гриффита...»

Я дожидаюсь сигнала, откинувшись на спинку кресла.

«Привет, малыш, это я. Я знаю, что ты еще в воздухе, но самолет, вылетевший из Хартсфилда, разбился вскоре после взлета, и пятнадцать ужасных секунд я думала, что ты мог быть там, мне просто нужно было... не знаю, убедиться, что с тобой все в порядке. Я, наверно, глупая, но позвони мне сразу, как приземлишься, ладно? Дети возбуждены, так что я буду в актовом зале, но обещаю, что отвечу на звонок. Ну все, мне надо бежать, поговорим позже. Ты мой самый любимый человек, и я уже соскучилась».

Сую телефон в карман и направляюсь к двери, косметика Эвы так и остается лежать горой на моем столе.

Сидя рядом со мной на сцене, Тед разглаживает рукой галстук и, обращаясь к старшеклассникам, заполнившим зал, говорит:

– Как вы все знаете, самолет компании «Либерти эйрлайнс», выполнявший рейс номер 23 из международного аэропорта Хартсфилд-Джексон в Сиэтл, штат Вашингтон, разбился меньше чем через час после взлета. Все сто семьдесят девять пассажиров числятся погибшими. Мужчины, женщины и дети, такие же люди, как мы с вами. Я собрал вас здесь, чтобы мы могли поговорить об этом открыто и честно, не вынося никаких суждений. Трагедии, подобные этой, заставляют всех нас задуматься об опасностях, которыми полон наш мир. О нашей уязвимости, о том, как хрупка может быть жизнь. Здесь, в этой комнате, вы в полной безопасности и можете задавать вопросы, и плакать, и делать все, что вам необходимо, чтобы справиться с переживаниями. Давайте договоримся, что все, что происходит в этом зале, здесь и останется.

Любой другой на его месте провел бы общешкольную минуту молчания и велел бы детям возвращаться к работе. Но Тед знает, что для подростков катастрофа важнее повседневных уроков, а поскольку он во всем, и в хорошем, и в плохом, видит возможность чему-то научиться, дети полностью ему доверяют.

Я обвожу взглядом учеников школы Лейк-Форест – всего примерно триста детей, – половина ребят напугана фотографиями рухнувшего с небес на землю самолета, в котором, возможно, находились их знакомые или соседи, а другая пребывает в эйфории по поводу отмены занятий. Их возбужденные голоса гулко звучат в огромном помещении.

– Это что-то вроде групповой терапии? – слышится голос одной из девочек.

– Ну... – Тед вопросительно смотрит на меня, я киваю. Если в чем ученики Лейк-Форест чувствуют себя в своей тарелке, так это в терапии, и в групповой, и в любой другой. У наших детей номер психотерапевта стоит на быстром наборе. – Да. Точно, как групповая терапия.

Теперь, когда им стало понятно, чего ждать, школьники расслабляются, откинувшись на спинки бархатных кресел и скрестив руки.

– Я слышал, это террористы! – выкрикивает кто-то из задних рядов. – И что ИГИЛ уже взяло на себя ответственность.

– Кто тебе это сказал, Сара Палин? – оборачивается со своего места в первом ряду Джонатан Вандербик, старшеклассник, с трудом доучившийся до выпускного класса.

– Кайли Дженнер перепостила в «Твиттере».

– Отлично, – фыркает Джонатан. – Кардашьяны большие специалисты по части нашей национальной безопасности.

– Ну все, все. – Тед стучит пальцем по микрофону, призывая всех к порядку. – Давайте не будем нагнетать страсти, повторяя слухи и домыслы. Я внимательно смотрел новости, передали только, что самолет разбился. Не было сказано ни почему это произошло, ни кто был на борту. Информация появится только после того, как удастся связаться с родственниками всех пассажиров и членов экипажа.

Последние слова оказываются подобны зажигательной бомбе. Пару секунд они висят в воздухе, подобно раскаленному шару.

– А теперь миссис Гриффит хочет вам кое-что сказать, и потом она же поведет нашу дискуссию. Я же тем временем буду отслеживать новости на канале CNN на моем ноутбуке, и, как только появится новая информация, я прерву разговор и зачитаю ее вслух, так чтобы мы все были в курсе событий. Ну как, хороший план?

Все кивают. Тед передает мне микрофон.

Мне хочется сказать, что я провела следующие несколько часов, глядя на свой телефон в ожидании звонка Уилла, но через семьдесят шесть минут после катастрофы, спустя всего десять минут с начала нашей беседы и за добрых пятнадцать минут до того, как представители авиакомпании должны выступить с первым официальным заявлением, CNN сообщает, что команда школы Уэллс по лакроссу, все шестнадцать игроков вместе с тренерами, были среди 179

погибших. Очевидно, они направлялись на турнир межсезонья.

– О боже! Как это может быть? Мы же играли с ними на прошлой неделе.

– На прошлой, тупица. Сама же только что сказала. У них была куча времени, чтобы сесть сегодня утром в тот самолет.

– Сам ты тупица, придурок. Я говорю о том, что мы продули и уступили Уэллсу право играть в турнире. Сам подумай.

– Подождите, – говорю я, не давая спору разгореться. – Неверие – нормальная реакция на сообщение о смерти друга, но гнев и сарказм – не лучший способ справиться с горем, и я уверена, что вам всем это отлично известно.

На лицах детей отражается раскаяние, и они понижают в своих креслах.

– Слушайте, я понимаю, что прятаться за негативными реакциями проще, чем открыто столкнуться с гибелью наших друзей и товарищей, – мягко говорю я. – Но это естественно, что вы чувствуете себя растерянными, расстроенными, шокированными или даже беззащитными. Все это нормальная реакция на такие страшные новости, и откровенный разговор поможет нам справиться с нашими чувствами. Хорошо? Уверена, что Кэролайн не единственная, кто сейчас вспоминает последнюю встречу с игроками из Уэллса. Кто-нибудь еще был на этой игре?

Одна за другой поднимаются руки, и ученики начинают говорить. В основном говорят о том, что были на том же поле в то же время, но ясно, что дети напуганы тем, как близко подошла смерть, особенно члены команды по лакроссу. Если бы они победили в том матче, если бы команда Лейк-Форест прошла в турнир, на борту самолета запросто могли оказаться наши ребята. До часа дня, когда мы прерываемся на обед, я поддерживаю разговор и направляю его в нужное русло, что требует от меня предельной концентрации.

Наконец дети выходят из зала, и я достаю из кармана телефон. Пустой экран заставляет меня нахмуриться. Уилл приземлился больше часа назад, но до сих пор от него нет ни звонка, ни сообщения, ничего. Где он, черт возьми?

Тед накрывает ладонью мою руку.

– Все в порядке?

– Что? Ах да, все в порядке. Просто я жду звонка от Уилла. Он улетел сегодня утром в Орландо.

Глаза у Теда расширяются, лицо трогает сочувственная гримаса.

– Тогда понятно, почему у вас было такое лицо, когда я зашел сегодня в ваш офис. Вы, должно быть, были здорово напуганы?

– Да, и Эва, бедняжка, приняла на себя удар. – Я машу в воздухе телефоном. – Просто пытаюсь связаться с ним.

– Конечно, конечно. Идите.

Я спрыгиваю со сцены и иду по центральному проходу к дверям, на ходу набирая номер Уилла. По своему устройству школа Лейк-Форест напоминает студенческий городок, где на территории площадью один акр расположилось полдюжины увитых плющом зданий. По вымощенной плиткой дорожке я направляюсь к зданию, в котором размещаются старшие классы. Дождь прекратился, но свинцовые тучи по-прежнему нависают над землей, а пронизывающий ледяной ветер заставляет меня ежиться. Я плотнее прижимаю свитер к груди, поднимаюсь по лестнице к дверям и оказываюсь в тепле как раз в тот момент, когда телефон Уилла перенаправляет мой звонок в голосовую почту.

Что за черт!

В ожидании звукового сигнала я пытаюсь немного себя взбодрить. Я убеждаю себя, что волноваться не о чем. Что наверняка существует простое объяснение, почему он не звонит. Что последние несколько месяцев ему приходится очень напряженно работать и он не высыпается. Возможно, он просто задремал. К тому же муж очень рассеянный человек, он типичный компьютерщик, просто не способный на чем-то сосредоточиться. Я представляю, как он набирает сообщение, а потом забывает нажать на клавишу «Отправить». Воображаю, как

он общается со съехавшимися на конференцию шишками, стоя у гостиничного бассейна со звонящим телефоном в руке. А может, его телефон просто разрядился или он забыл его в самолете. Размышляя таким образом, я чувствую себя почти счастливой.

– Привет, дорогой. – Я стараюсь, чтобы в моем голосе не звучала тревога. – Просто хотела убедиться, что все в порядке. Ты, наверное, уже в отеле, но номер не очень или возникли еще какие-то сложности. В любом случае позвони мне, когда у тебя будет минутка. Из-за катастрофы я немного нервничаю, и мне правда нужно услышать твой голос. Ну все, звони. Ты мой самый любимый человек.

В офисе я сразу направляюсь к компьютеру и открываю почту. Месяц назад Уилл пересылал мне информацию о конференции, но в моем ящике скопилось более трех тысяч сообщений, и найти в нем что-то довольно сложно. Немного повозившись, я нахожу нужное письмо:

«От кого: W. Griffith@appsec-consulting.com

Кому: irisgriggith@lakeforrestacademy.org

Тема: FW: Кибербезопасность критически важных активов: встреча руководителей разведывательных служб.

Смотри! В четверг я основной докладчик. Будем надеяться, что они не уснут, как это делаешь ты, когда я начинаю говорить о работе. Ц.

Уилл М. Гриффит

Старший инженер-программист»

По телу прокатывается волна облегчения, и я чувствую себя в безопасности. Вот здесь написано черным по белому. Уилл в Орландо, живой и здоровый.

Я кликаю на приложение, открывается страница с расписанием конференции. Где-то в середине страницы помещается фотография Уилла, а напротив нее краткая справка касательно его опыта в области управления рисками. Я нажимаю на «Печать» и выписываю на листочек название гостиницы, потом снова захожу в Интернет, чтобы найти телефон. Когда я копирую номер, звонит телефон, и на дисплее возникает мамино лицо.

Я чувствую беспокойство в груди. Сама будучи логопедом, мама отлично знает, что такое работать в школе, и никогда не беспокоит меня в рабочее время, если только это не вопрос жизни и смерти. Как это было в тот раз, когда мотоцикл отца попал передним колесом в рытвину на дороге и, совершив в воздухе оборот на триста шестьдесят градусов, рухнул на асфальт. Приземление было таким жестким, что отец сломал ключицу, а его шлем раскололся пополам.

Вот почему сейчас я, вместо приветствия, сразу спрашиваю:

– Что случилось?

– О, милая. Я только что смотрела новости.

– Про самолет? Я знаю. Мы весь день обсуждаем это в школе. Дети потрясены и очень нервничают.

– Но я не об этом. В смысле не совсем... Я имела в виду Уилла, дорогая.

То, как она это сказала, осторожно и будто избегая напрямую спрашивать про Уилла, заставляет каждый волосок на моем теле встать дыбом.

– А что с ним?

– Ну, для начала, где он?

– В Орландо, на конференции. А что?

Мама выдыхает так громко, что у меня чуть не лопаются барабанные перепонки, а ведь она всегда держит трубку подальше от головы.

– Ну слава богу! Я была уверена, что это не может быть твой Уилл.

– О чем ты говоришь? Кто не может быть?

Ответ мне расслышать не удастся из-за крика заглядывающей в дверь старшеклассницы:

– Мистер Роулингс велел сказать вам, что опубликован список имен!

Она вопит так громко, словно я не сижу в комнате в метре от нее и не разговариваю по телефону. Я шикаю на нее и взмахом руки велю ей идти.

– Мам, давай все сначала. Кто не мой Уилл?

– По их данным, на борту того самолета был пассажир по имени Уильям Мэтью Гриффит.

Где-то внутри моего существа, в самой его первобытной глубине пульсирует мысль: «Это не мой муж». Мой Уилл летел на другом самолете, принадлежащем абсолютно другой авиакомпании. И даже если это было бы не так, мне бы уже позвонили из «Либерти эйрлайнс». Они бы не стали публиковать его имя, не известив сначала меня – его жену, его самого любимого человека на планете.

Но прежде, чем я успеваю сказать все это маме, на второй линии раздается сигнал вызова. Слова на экране заставляют мое сердце замереть.

«Либерти эйрлайнс».

Трясущейся рукой я сбрасываю мамин звонок и отвечаю авиакомпании.

– Алло? – В горле у меня пересохло, и поэтому голос звучит тихо и хрипло.

– Добрый день, могу я поговорить с Айрис Гриффит?

Я понимаю, зачем мне звонит эта женщина. Понимаю потому, как она произносит мое имя, по ее нейтральному тону и деловой интонации, и у меня перехватывает дыхание.

Но она ошибается. Уилл в Орландо.

– Уилл в Орландо, – слышу я свой голос.

– Простите... Этот номер принадлежит Айрис Гриффит?

Что, если я отвечу нет? Тогда эта женщина не скажет мне то, зачем она звонит? Она повесит трубку и позвонит жене другого Уильяма Мэтью Гриффита?

– Я Айрис Гриффит.

– Миссис Гриффит, меня зовут Кэрол Мэннинг, я звоню из компании «Либерти эйрлайнс». Уильям Мэтью Гриффит указал вас как контактное лицо в случае чрезвычайной ситуации.

«Уилл в Орландо. Уилл в Орландо. Уилл в Орландо».

– Да. – Я надавила рукой на живот. – Я его жена.

Я его жена. По-прежнему его жена.

– Мэм, с глубоким прискорбием сообщаю, что ваш муж был одним из пассажиров рейса 23, вылетевшего этим утром и потерпевшего катастрофу по пути из Атланты в Сиэтл. – Ее голос звучит механически, как будто она читает по бумажке. Как будто это Сири[1 - Сири – вопросно-ответная система в iOS-устройствах.] звонит мне, чтобы сообщить, что мой муж мертв.

Тело перестает меня слушаться, и я начинаю валиться вниз. Упав грудью на колени, я сгибаюсь пополам, словно сломанная ветка. От потрясения мне кажется, будто я получила удар под дых, и я со стоном выдыхаю.

– Я понимаю, что для вас это страшный удар, и заверяю, что «Либерти эйрлайнс» всегда готова оказать вам поддержку. Мы открыли телефонную и электронную горячие линии, по которым вы в любой момент можете с нами связаться. Информация на нашем сайте www.libertyairlines.com также постоянно обновляется.

Если она и говорит что-то еще, я уже не слышу ее. Телефон с грохотом падает на пол, а я сползаю с кресла и, сидя на полу посреди офиса, прямо на глазах у столпившихся в дверях школьников, рыдаю, зажав рот руками.

– Ох, Айрис. Я только что узнал. Мне очень, очень жаль. – В поле моего зрения появляются два ботинка большого размера.

Я смотрю на Теда сквозь упавшие на лицо волосы, на его озабоченно приподнятую бровь под пуделиными кудряшками и облегченно вздыхаю. Тед умеет решить любую проблему. Он что-нибудь придумает. Он позвонит кому-нибудь, кто скажет, что это был не тот Уилл, не тот самолет, а я – не та жена.

Я пытаюсь взять себя в руки, но у меня ничего не выходит, и только тут я замечаю, что в моем кабинете полно старшекласников. До этого я слышу, как они толпятся в коридоре и, понизив голос, переговариваются, стараясь, чтобы их слова не долетали до моих ушей. «Муж... самолет... мертв...», я понимаю, что они слышали новости.

Нет. Сегодня утром, пока я наливала кофе в термокружки, Уилл смотрел в своем телефоне погоду в Орландо.

– Сегодня тридцать градусов, – сказал он, покачав головой. – А до лета еще далеко. Вот почему мы никогда не будем жить во Флориде.

Эва смотрит на меня глазами полными слез.

– Уилл в Орландо, – говорю я, и на ее лице отражается жалость.

Мне неловко, что она видит меня такой, что они все видят такой, помятой, зареванной, на полу. Я закрываю лицо руками и мысленно молюсь, чтобы все ушли. Я хочу, чтобы меня просто оставили одну. Моя политика «открытых дверей» ни к черту не годится.

– Позвольте, я вам помогу. – Тед поднимает меня с пола и усаживает в кресло.

– Где мой телефон? Я хочу еще раз позвонить Уиллу.

Он наклоняется, поднимает телефон и подает его мне.

Девять пропущенных вызовов. Увидев, что все они от мамы, я чувствую раздражение. Ни одного звонка от Уилла.

– Ребята, оставьте нас одних, ладно? – просит Тед, обернувшись через плечо. – И закройте за собой дверь.

Один за другим дети начинают выходить из кабинета, бормоча соболезнования. Проходя мимо, Эва слегка дотрагивается пальцем до моей руки, я отшатываюсь. Я не нуждаюсь в ее сочувствии. Мне вообще не нужно ничье сочувствие. Сочувствие означает, что все сказанное мне той женщиной правда. Сочувствие означает, что Уилл мертв.

Когда все выходят и мы остаемся вдвоем, Тед кладет руку на мое плечо.

– Могу я кому-то позвонить?

Позвонить! Я же собиралась позвонить в гостиницу. Мой взгляд падает на листок с информацией о конференции, я выдергиваю его из принтера и машу им перед лицом Теда.

– Вот! Вот доказательство того, что Уилл в Орландо. Завтра он выступает с докладом. Он не мог быть в самолете, направлявшемся в Сиэтл. Он летел в Орландо. – С каждым словом в моей душе расцветает надежда.

– Он зарегистрировался в гостинице? – спрашивает Тед, по его тону я понимаю, что он пытается меня подбодрить.

Дрожащими пальцами я нащупываю листок, на котором нацарапан номер гостиницы, и набираю его на своем телефоне. Должна признаться, что мне трудно выносить откровенное желание Теда смягчить удар, читающееся на его лице, он явно считает мою затею пустой тратой времени и не разделяет моих надежд. Чтобы не смотреть на него, я упираю взгляд в стол и начинаю внимательно разглядывать покрывающие его поверхность царапины. Телефон все звонит, но трубку никто не берет.

Спустя целую вечность задорный женский голос отвечает:

– Добрый день, «Вест-Ин», Универсал бульвар. Чем могу помочь?

– Соедините с номером Уилла Гриффита, пожалуйста. – Слова сыплются из меня как горох, сбивчиво и торопливо, как у нанюхавшегося кокаина аукциониста.

– С удовольствием, – чирикает мне в ухо портье. Уверена, что ей все время приходится общаться с сумасшедшими тетками, разыскивающими своих ветреных любовников и неверных мужей. В «Вест-Ин», должно быть, разработана целая инструкция относительно того, как общаться с такими, как я. – Гриффит, вы сказали?

– Да, Уилл. Или, может быть, Уильям, средний инициал «М». – Я набираю в грудь побольше воздуха, пытаюсь успокоиться, но все никак не могу унять дрожь.

Тед снимает пиджак и набрасывает его мне на плечи. Я понимаю, что он хочет мне добра, но этот жест такой личный, а от пиджака исходит запах Теда, приятный и чужой. Мне хочется скинуть пиджак и выбросить его в окно. Я не хочу, чтобы моего тела касалась одежда какого-то другого мужчины, кроме Уилла.

Несколько секунд девушка-портье на том конце провода постукивает пальцами по клавиатуре компьютера.

– Хм, извините, но я не могу найти бронь на имя мистера Гриффита.

– Проверьте еще раз. Прошу вас. – Я едва сдерживаю рыдания.

Снова повисает долгая пауза, заполненная щелчками клавиатуры. Страх начинает расползаться по моему телу, словно какой-то паразит, медленно, но верно пожирая мою уверенность.

– А вы уверены, что речь идет именно об этом отеле нашей сети? У нас есть еще здание в Лейк-Мэри, к северу от города. Если хотите, могу дать вам номер.

Я мотаю головой, пытаюсь смахнуть слезы, мешающие мне прочесть адрес гостиницы, указанный внизу страницы.

– Передо мной флаерс конференции, здесь написано «Юниверсал-бульвар».

В ее голосе слышится оживление.

– Ну, если он здесь на конференции, то я могу передать сообщение через одного из организаторов. Название конференции?

– «Кибербезопасность критически важных активов: встреча руководителей разведывательных служб».

Она мешкает с ответом всего пару секунд, но этого достаточно, чтобы меня начало тошнить.

– Мне очень жаль, мэм, но в гостинице не проходит конференция под таким названием.

Я роняю телефон, и меня выворачивает в корзину для бумаг.

Домой меня везет Клэр Мастерс, она работает в приемной комиссии, ее кабинет находится напротив моего. Мы с Клэр в хороших отношениях, но подругами нас не назовешь, однако мне не нужно спрашивать, что я делаю на пассажирском сиденье ее «форда-эксплорера». В прошлом году муж Клэр умер от рака, и не важно, сама она вызвалась отвезти меня домой или ее попросил Тед, все и так ясно. Если кто и способен понять, что я сейчас чувствую, то только еще одна

Вдова.

Вдова. Меня опять тошнит, но желудок пуст.

Я отворачиваюсь и смотрю в окно, глядя на пролетающие мимо газоны Бакхеда. Клэр едет медленно, держа руль обеими руками и не произнося ни слова. Она молчит, глядя на дорогу перед собой, и, хотя мысль быть причисленной к тому же скорбному братству мне ненавистна, она, по крайней мере, знает, что единственное, чего я сейчас хочу, – это остаться одна.

На коленях гудит телефон. Мама звонит, должно быть, в сотый раз. Я ощущаю чувство вины. Конечно, нечестно ее избегать, но я не могу с ней сейчас разговаривать. Я ни с кем не могу разговаривать.

– Не хотите ответить? – Голос Клэр, по-девичьи высокий, вспарывает тишину, словно зазубренный нож.

– Нет. – Мне приходится собрать все силы, чтобы вытолкнуть слова из-под давящего на грудь камня.

Она переводит взгляд с меня на телефон, потом – на дорогу.

– Поверьте, ваша мама сейчас сходит с ума.

От ее понимающего тона, от того, как она ставит нас на одну ступеньку, меня передергивает.

– Не могу. – Мой голос срывается, разговаривать с мамой сейчас означает произнести эти ужасные слова вслух. Уилла больше нет. Уилл умер. Сказать это – значит признать, что это правда.

Телефон умолкает, но спустя две секунды звонит снова.

На этот раз Клэр берет телефон у меня с колен и отвечает на звонок.

– Здравствуйте, это Клэр Мастерс. Я коллега Айрис по Лейк-Форест. Она сидит рядом со мной, но не готова сейчас разговаривать.

Пауза.

– Да, мэм. Боюсь, что вы правы.

Опять пауза, на сей раз долгая.

– О'кей. Я скажу ей.

Она нажимает на отбой и аккуратно кладет телефон на место.

– Ваши родители едут. Они будут на месте до темноты.

Я хочу поблагодарить ее, но у меня нет сил. Я смотрю в окно и пытаюсь представить моего Уилла на месте крушения, среди дымящихся обломков, разбросанного багажа, обугленных, искореженных кусков металла, но не могу. Это не укладывается у меня в голове, мой мозг отказывается воспринимать эту картину, так же как когда-то физику на уроках профессора Друккера.

Клэр выезжает на трассу Джорджия-400, нажимает на газ, и мы мчимся на юг в благословенной тишине.

5

Сколько я ни убеждаю ее, что это вовсе не обязательно, Клэр идет вслед за мной по выложенной плиткой дорожке до самой двери. Я роюсь в сумке, вытаскиваю ключи и вставляю их в замок.

– Спасибо, что подвезли. Со мной все будет в порядке.

Повернув ключ в замке, я вхожу в дом, но, когда поворачиваюсь, чтобы закрыть дверь, Клэр останавливает меня, уперев ладонь в витражную панель.

– Дорогая, я останусь. До тех пор, пока не приедут ваши родители.

– Не обижайтесь, Клэр, но я хочу побыть одна.

– Не обижайтесь, Айрис, но я не уйду. – Ее высокий голос звучит на удивление твердо, но слова смягчает улыбка. – Можете не разговаривать со мной, если вам не хочется, но я остаюсь, и точка.

Я отступаю назад и позволяю ей войти.

Клэр оглядывает прихожую, оценивая медового цвета стены, блестящий деревянный пол, выкрашенный темной, почти черной краской, резные перила лестницы. Вытянув шею, она заглядывает за угол в гостиную, которую украшает одинокий бежевый диван – наш подарок друг другу на Рождество из «Рум энд Борд» – и указывает вглубь дома:

– Я полагаю, кухня там?

Я киваю.

Она бросает сумку возле двери и идет по коридору.

– Я приготовлю нам чай.

Она скрывается в кухне, расположенной за углом.

Как только она уходит, я хватаюсь за стойку перил, на меня наваливаются воспоминания этого утра. Тяжесть тела Уилла на моем теле, согревающее тепло его рук и горячей обнаженной кожи. Его губы, целующие мою шею, опускаясь все ниже, утренняя щетина, легонько царапающая мои груди, живот. Мои пальцы, зарывающиеся в его волосы. Вода, стекающая по мускулистому торсу Уилла, когда он выходит из душа, прикосновение его пальцев к моим в тот момент, когда я подаю ему полотенце. Его гладкие, теплые губы, тянущиеся подарить мне еще один поцелуй, хотя я уже сто раз предупреждала его, что он всерьез рискует опоздать на самолет. Тот прощальный взмах рукой, блеск обручального кольца на пальце, в момент, когда он вытаскивал чемодан за порог, чтобы ехать в аэропорт.

Он вернется. У нас еще не заказаны номера в гостинице и ресторан, и нам еще надо обсудить, как мы будем праздновать дни рождения. В следующем месяце мы едем в «Сисайд», где решили провести День памяти павших только вдвоем, а летом – в «Хилтон Хэд» с моими родителями. Только этой ночью он целовал мой живот и говорил, что не может дождаться, когда я так растолстею, нося нашего ребенка, что он не сможет меня обнять. Уилл не может исчезнуть. Такой конец слишком нереален, он не укладывается в голове. Мне нужны доказательства.

Я бросаю вещи на пол и иду по коридору вглубь дома, где открытая кухня соседствует со столовой и гостиной. Я выуживаю из корзины с фруктами пульт от телевизора и включаю CNN. На экране возникает девушка-репортер, она стоит на фоне кукурузного поля, ветер треплет ее темные волосы, и задает вопросы седому мужчине в нелепой куртке. Судя по появившейся внизу экрана надписи, это хозяин того самого кукурузного поля, которое теперь усеяно обломками рухнувшего самолета и человеческими останками.

Из-за угла появляется Клэр, держа в руках коробочку с чайными пакетиками. Сделав большие глаза, она говорит:

– Вам не стоит это смотреть.

– Тише. – Я нажимаю на кнопку регулировки громкости и не отпускаю ее до тех пор, пока голоса людей на экране не начинают причинять моим ушам такую же боль, как их слова. Журналистка засыпает мужчину вопросами, а я в это время стараюсь разглядеть на заднем плане хоть какие-то следы Уилла. Прядь каштановых волос, рукав синего джемпера. Затаив дыхание, я вглядываюсь изо всех сил, но на экране только дым и качающиеся на ветру стебли кукурузы.

Журналистка просит старика рассказать перед камерой, что он видел.

«Я работал в дальнем конце поля, когда услышал, как он приближается, – сказал мужчина, указывая на бескрайние ряды кукурузы позади себя. – Самолет, в смысле. Я услышал его раньше, чем увидел. С ним явно было не все в порядке».

Журналистка прерывает его рассказ:

«Почему вы подумали, что с самолетом что-то не так?»

«Ну, двигатели пронзительно выли, но я не видал ни дыма, ни огня. Пока он не врезался в поле и не взорвался. Самый большой взрыв, какой я когда-либо видел. Я был примерно в миле отсюда, но и то почувствовал, как земля вздрогнула, а потом так дохнуло жаром, что чуть волосы мне не спалило».

Как долго самолет падал с неба? Одну минуту? Пять? Я думаю о том, что должен был чувствовать Уилл, и меня опять начинает тошнить, да так, что я едва успеваю добежать до раковины.

Клэр дотягивается до пульты и выключает звук. Я стою, крепко держась за столешницу и уставившись на поцарапанное дно раковины, в ожидании, пока мой желудок успокоится, и думаю: «И что теперь? Что, черт возьми, мне теперь делать?» Я слышу, как за моей спиной Клэр шарит по кухне, заглядывая в шкафы, как с характерным звуком открывается и закрывается дверца холодильника. Она возвращается с пачкой крекеров и бутылкой воды:

– Вот. Вода холодная, так что пейте потихоньку.

Не обращая на нее внимания, я обхожу стол и падаю на табурет, стоящий с другой стороны.

– Отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. – Клэр смотрит на меня вопросительно. – Стадии принятия неизбежного горя по Кюблер-Росс. Я явно нахожусь на этапе отрицания, потому что случившееся кажется мне бессмыслицей. Как может человек, направляющийся в Орландо, очутиться в самолете, следующем на запад? Разве что конференцию перенесли в Сиэтл или произошло что-то в этом духе?

Клэр пожимает плечами, но по ней не скажешь, что она в чем-то сомневается. Если я, возможно, и нахожусь в стадии отрицания, то Клэр точно нет. Хотя она и не говорит этого в слух, но верит утверждению представителей «Либерти эйрлайнс», что Уилл – один из тех 179 несчастных, чьи разорванные на куски тела разбросаны по кукурузному полю где-то в Миссури.

– Этого просто не может быть. Уилл сказал бы мне об этом, но он говорил только про Орландо. Вот только сегодня утром он стоял на том самом месте, где сейчас стоите вы, и говорил о том, как он ненавидит этот город. Жару, пробки и эти чертовы тематические парки на каждом углу. – Я качаю головой, от отчаяния мой голос звучит все громче. – На него столько всего навалилось, может, он просто не знал, что конференцию перенесли в другой отель. Возможно, все это время бродил по раскаленным улицам Орландо, пытаюсь отыскать это новое место. Но почему он тогда мне не перезванивает?

Клэр молчит.

Я прикрываю глаза, сердце бьется рывками, внутри бушует настоящий ураган эмоций. Что мне делать? Кому звонить? Мое первое побуждение – позвонить Уиллу, как я это делаю всякий раз, когда сталкиваюсь с проблемой, которую не могу разрешить самостоятельно. Его методичный ум обладает способностью видеть вещи иначе, чем я, и он почти всегда находит путь к решению.

– Тебе стоило бы заняться разработкой приложения, – сказала я ему однажды после того, как он помог мне составить программу по информированию о вреде наркотиков и алкоголя на весь семестр. – Ты мог бы заработать целое состояние. А приложение назвать «Что скажет Уилл?».

Он хлопнул в ладоши и улыбнулся моей самой любимой улыбкой.

– Сейчас он говорит, что ты прелестна и что ты должна подойти и поцеловать меня.

Я прижимаю ладони к губам и говорю себе, что надо успокоиться и подумать. Должен быть кто-то, кто скажет мне, что все это просто какое-то грандиозное недоразумение.

– Джессика! – Я спрыгиваю с табурета и бросаюсь к телефону, стоявшему на зарядке рядом с микроволновкой. – Джессика знает, где он. Она знает, куда перенесли конференцию.

– Кто это Джессика?

– Помощница Уилла. – Я набираю номер, который знаю наизусть, повернувшись к Клэр спиной, чтобы не видеть, как она вздергивает брови, как отводит взгляд, кусая губы. Она не хочет огорчать меня, так же как Тед.

– «Эппсек консалтинг», меня зовут Джессика. Слушаю вас.

– Джессика, это Айрис Гриффит. Вы не...

– Айрис? Я думала, вы уехали в отпуск.

Ее слова звучат так неожиданно, что мне нужно несколько секунд, чтобы прийти в себя. Джессика, возможно, мастерски умеет отвечать на звонки и координировать расписание нескольких безалаберных технарей, но все же у нее голова, а не компьютер.

– М-м-м, нет. Почему вы так решили?

– Потому что вы собирались на Майанскую Ривьеру делать ребеночка. Уилл показывал мне фотографии отеля, выглядит потря... – Она замолкает на полуслове и судорожно вздыхает. – О господи, Айрис, я, должно быть, что-то напутала. Наверно, посмотрела не на ту неделю.

Я знаю, о чем думает Джессика. Она думает, что он там с другой женщиной. Но даже если она права, пускай. Что, если Уилл жив и сейчас валяется где-то на пляже в Мексике? На пару секунд в груди вновь загорается надежда, но быстро гаснет, когда я понимаю, что это невозможно. Уилл никогда бы не стал меня обманывать, но даже если и так, то Мексика – последнее место, куда бы мог отправиться мой ненавидящий жару муж. Скорее это был бы круиз на Аляску.

– Он не может быть в Мексике, – произношу я, просто чтобы унять дрожь в голосе и скрыть за любезным тоном нарастающее отчаяние. – Он один из докладчиков на конференции по информационной безопасности, помните?

– Какой конференции?

Я таращу глаза. Кто вообще взял на работу эту женщину?

– Которая проходит в Орландо.

– Подождите. Я ничего не понимаю. Он что, не в Мексике?

И тут я выхожу из себя. Набрав в грудь побольше воздуха, я кричу в телефон так, что в горле начинает саднить:

– Я не знаю, Джессика! Я, черт возьми, не знаю, где Уилл! В этом-то вся и проблема!

Воцаряется тишина, молчит Клэр за моей спиной, а Джессика на другом конце провода. От этой тишины у меня звенит в ушах. Я знаю, что мне следует извиниться, но рыдания душат меня, и я буквально захлебываюсь словами:

– Они... Они говорят, Уилл был в том самолете, который разбился этим утром, но этого не может быть. Он летел в Орландо. Скажите мне, что он в Орландо.

– О боже. Я видела новости, но мне и в голову не пришло, Айрис. Я не знала.

– Пожалуйста. Просто помогите мне найти Уилла.

– Ну конечно. – Джессика на секунду замолкает, я слышу, как она щелкает по клавиатуре. – Я совершенно уверена, что не заказывала для него билет на сегодня, но у меня есть доступ к его счетам от авиакомпаний. Еще раз, какой авиакомпании принадлежал разбившийся самолет?

– «Либерти эйрлайнс», рейс 23.

Снова повисает тишина, прерываемая постукиванием клавиатуры.

– О'кей, я вошла. Давайте посмотрим... Рейс номер 23, вы сказали?

Я ставлю локти на стол, подпираю голову рукой, изо всех сил зажмуриваюсь и начинаю молиться.

– Да.

Я задерживаю дыхание и угадываю ответ по тому, как вздыхает Джессика.

– Ох, Айрис... – начинает она, и перед глазами у меня все плывет. – Мне очень жаль, но вот оно. Рейс 23 в Сиэтл, вылет из Атланты сегодня утром в 8:55, обратный рейс... Странно. Похоже, он взял билет в один конец.

Ноги у меня подкашиваются, и я сползаю на пол.

– Проверьте «Дельту».

– Айрис, я не уверена...

– Проверьте «Дельту»!

– Хорошо, дайте мне пару секунд... Сейчас загрузится... Пойдите, странно, но здесь он тоже есть. Рейс 2069 в Орlando, вылет сегодня в 9:00 утра, обратно в пятницу в 20:00. Почему он забронировал два билета на рейсы, следующие в противоположных направлениях?

От облегчения ко мне возвращаются силы, и я выпрямляюсь, сидя на полу.

– Где проходит конференция? Я звонила в гостиницу на Юниверсал-бульвар, но ее, видимо, перенесли в другое место.

– Мне жаль, Айрис. Но мне ничего не известно о конференции.

– Тогда спросите кого-нибудь! Наверняка кто-то знает про конференцию, которую планировала ваша компания.

– Нет. Я имела в виду, что у «Эппсек» не запланировано ни одной конференции как минимум до начала ноября.

Следующий вопрос дается мне только с третьей попытки:

– А Мексика?

– В «Дельте» или «Либерти эйрлайнс» информации о таких билетах нет, но, если хотите, я могу проверить другие авиакомпании.

Теперь в ее голосе звучит жалость, а этого я не могу вынести ни секунды. Я вешаю трубку и узнаю в Гугле номер «Дельты». Мне приходится ждать ответа девять бесконечных минут, потом объяснять ситуацию поочередно нескольким сотрудникам службы клиентской поддержки, наконец меня соединяют с Кэрри, представителем по оказанию содействия семьям с неестественно бодрым голосом.

– Здравствуйте, Кэрри. Меня зовут Айрис Гриффит. У моего мужа Уилла был забронирован билет на рейс 2069, вылетевший сегодня утром из Атланты в Орlando, но у меня нет от него известий с момента, как он приземлился. Не могли бы вы проверить, все ли в порядке, он долетел?

– Конечно, мэм. Мне нужен только номер билета.

Это означает, что нужно повесить трубку и снова звонить Джессике, но я не собираюсь снова бесконечно долго дожидаться своей очереди. Я хочу получить ответ немедленно.

– А вы не могли бы найти его по имени? Мне правда очень нужно знать, сел ли он в самолет.

– Боюсь, это невозможно. – Ее лишенный каких-либо эмоций голос звучит бодро, плохие новости она сообщает так, будто я выиграла бесплатный ужин в ресторане. – Политика конфиденциальности не позволяет нам разглашать маршрут следования пассажира по телефону.

– Но это мой муж. А его жена.

– Я понимаю, мэм, и, если бы я могла проверить ваш семейный статус по телефону, я могла бы предоставить вам информацию. Может быть, у вас есть возможность посетить ближайший офис нашей авиакомпании, захватив с собой соответствующий документ, и наш сотрудник на месте...

– У меня нет времени ехать в ваш офис! – кричу я, сама удивляясь тому, как резко и отрывисто вылетают слова, но женщина на том конце телефонной линии хранит молчание. Если бы не шум на заднем фоне, клацанье клавиатуры и чьи-то голоса, я бы решила, что она повесила трубку.

Потом я вдруг слышу пронзительные звуки, похожие на шум помех в микрофоне, и до меня не сразу доходит, что я сама их издаю. Отчаяние сломило меня.

– Дело в том, что у него был также билет на рейс 23 «Либерти эйрлайнс», понимаете? Но его не должно было быть в том самолете. Он должен был лететь на самолете вашей авиакомпании. А теперь он не отвечает на мои звонки, и в отеле ничего не знают ни о нем, ни о конференции, и его помощница тоже, она даже думала, что он в Мексике, а этого вообще не может быть. И теперь с каждой секундой, когда я не знаю, где мой муж, я все больше схожу с ума. Поэтому, пожалуйста, загляните в свой компьютер и скажите мне, летел ли он тем рейсом. Умоляю вас.

Она откашливается.

– Миссис Гриффит, я...

– Пожалуйста. – Голос у меня срывается, и мне не сразу удастся продолжить. Меня душат слезы, которые теперь льются безостановочно. – Пожалуйста, помогите найти моего мужа.

Кажется, что пауза никогда не закончится, я так сильно сжимаю в руке телефон, что у меня начинают болеть пальцы.

– Мне жаль, – когда она наконец снова начинает говорить, то почти шепчет, – но ваш муж не был зарегистрирован на рейс 2069.

Я вскрикиваю и с силой швыряю телефон через всю комнату. Он ударяется о шкаф и падает на кафельный пол экраном вниз. Даже не глядя на него, ясно, что он разбился вдребезги.

* * *

Остаток дня я провожу в постели, кутаясь в халат Уилла, который натянула не раздеваясь, и забившись под одеяло. Уилл солгал. Этот сукин сын солгал. И не просто солгал, а подкрепил свой обман сказкой о мифической конференции, которая потянула за собой новое нагромождение лживых подробностей, он даже цветной флаерс не поленился состряпать на компьютере. У меня внутри все клокочет от бешенства, так что я не могу думать ни о чем другом. Как Уилл мог так поступить? К чему были все эти сложности? Меня трясет от напряжения, главным образом потому, что теперь я знаю, что у него не было причин лететь в Орландо.

Мои родители, как они и сказали по телефону, приезжают до наступления темноты. Лежа под несколькими слоями одежды и одеял, я слышу, как они негромко разговаривают с Клэр. Мне нетрудно представить себе испуганное выражение на лице мамы, когда Клэр рассказывает им про мое падение в школе и звонки Джессике и в офис «Дельты». Вот она вытягивает шею, стараясь заглянуть на площадку второго этажа, на ее лице читается нетерпение, она поспешно прощается с Клэр и поднимается по лестнице. Через пару секунд я слышу звук отъезжающего автомобиля и чувствую, как кто-то садится на край кровати.

– О, детка. Моя милая, милая Айрис. – Голос у нее мягкий, но согласные звучат твердо и четко – наравне с любовью к мясу с картошкой, эта особенность произношения упрямо указывает на ее голландские корни.

Как ни ужасно это звучит, но я не могу посмотреть маме в лицо. Не сейчас. Я знаю, что увижу, если выберусь из кокона: мамины глаза, красные, опухшие и полные жалости, и я знаю, что будет, как только я загляну в них.

– Мы с папой просто убиты горем. Мы любили Уилла и будем ужасно по нему скучать, но больше всего мое сердце болит из-за тебя, моя дорогая девочка.

От слез начинает щипать глаза. Я не готова говорить об Уилле в прошедшем времени и не могу слышать, как говорит кто-то другой.

– Мама, прошу тебя. Дай мне минуту.

– У тебя есть столько времени, сколько необходимо, ливерд[2 - Дорогая, милая, малышка (гол.)]. – Если мама начинает употреблять ласковые обращения на

своим родным языком, значит, она здорово расстроена.

Кровать скрипнула, мама поднялась.

– Твой брат будет здесь часов в девять. Джеймс был на операции, когда им сообщили, так что они выехали из Саванны около часа назад. – Она помедлила, как будто ждала ответа, но, не получив его, добавила: – Ох, схати[З - Детка (гол.)], я могу что-то сделать?

Да. Ты можешь притащить сюда Уилла. Чтобы я могла свернуть ему шею.

6

Я просыпаюсь и сразу думаю: «Где Уилл? Где мой муж?»

Часы показывают семнадцать минут первого. Я напрягаюсь, стараясь расслышать звук льющейся воды в ванной, шлепки босых ног по деревянному полу, но, если не считать свиста теплого воздуха в вентиляции, все тихо.

Воспоминания о вчерашнем дне обрушиваются с беспощадностью грузовика, летящего в лобовую. Уилл. Самолет. Мертв. Боль пронзает меня с головы до ног, дыхание замирает.

Меня охватывает ужас. Я сажусь в кровати, включаю свет и глубоко дышу до тех пор, пока наконец стены не перестают давить на меня. Откинув одеяло, я нахожу углубление в матрасе на том месте, где еще вчера лежал Уилл. Без него наша широченная кровать увеличилась до размеров океанского лайнера, и я тону в ее пустоте. Я провожу ладонью по его подушке и нащупываю несколько темных волосков, зацепившихся за плотный хлопок. Я закрываю глаза. Я до сих пор чувствую его, физически чувствую тепло его кожи, покалывание щетины, скользящей по моему плечу, вес наваливающегося на меня тела, мой вздох, когда он проникает внутрь. Вот он здесь, и вот уже его нет, как по мановению палочки какого-то зловещего фокусника.

И что, теперь я должна поверить в то, что он лежит, разорванный на куски, на кукурузном поле в Миссури? Да нет, это же просто безумие. Такое даже представить себе невозможно.

С трудом выбираюсь из кровати. Тело чужое, неповоротливое, а грудь будто сдавлена тисками, так что трудно дышать. На мне все еще халат Уилла. Пока я спала, он перекрутился, плотно обвив мое тело. Чтобы выпутаться из него, я ослабляю пояс, расправляю махровую ткань и снова плотно запахиваю халат. Он мне велик, но в нем так тепло и уютно, и он хранит запах Уилла – а это значит, мне тяжело будет его снять.

Внизу, на кухне бело-голубым светится телевизор. Звук выключен, но на экране идет репортаж с места катастрофы. Я довольно долго наблюдаю за корреспондентом, ведущим репортаж на фоне обугленной земли и дымящихся кусков металла, и вдруг мне в голову приходит, что он немного переигрывает. Слишком широко раскрыты глаза, слишком нахмурены брови, все как-то слишком театрально. Видно, он ждал такую историю всю свою карьеру и теперь изо всех сил старается не упустить этот шанс.

На диване за моей спиной слышится какое-то копошение, и из бесформенной массы возникает Дэйв, мой брат-близнец, в толстовке с эмблемой «Джорджия Бульдогс» и пижамных штанах.

– И давно ты спустилась? – говорит он глубоким, меланхоличным басом, больше подходящим спортивному комментатору, нежели риелтору. Он раскуривает косяк размером с сигару, глубоко затягивается и похлопывает рукой по дивану рядом с собой.

– Я скажу маме. – Если не считать рыданий, это первый раз, когда я что-то произношу вслух за последние семь часов, и в горле сразу начинает саднить. Я плюхаюсь на диван.

– Мой муж врач, – говорит Дэйв, сделав затяжку. – Это лекарство.

– Кто бы сомневался, – фыркаю я.

Он протягивает мне косяк, но я качаю головой. У меня голова и так идет кругом. Наверно, не лучшая идея усугублять дело марихуаной, будь она хоть трижды

лекарством.

Мы долго сидим в облаке сладковатого дыма, молча глядя на безмолвные картинки на экране телевизора. Зрелище настолько кровавое, что у меня нет сил смотреть на него, поэтому я сосредотачиваюсь на лице репортера. Он жестом просит оператора следовать за ним и обходит громадный обломок фюзеляжа, потом показывает одинокий детский ботинок, и пытаюсь читать по его губам. «Вот стикер. Сырные конфеты. Коза и три тролля». Как глухие это делают?

У репортера лоб становится как у шарпея, и Дэйв качает головой:

– Этот сукин что-то слишком уж веселится.

Все, что вы когда-либо слышали про близнецов, правда; мы с Дэйвом живое тому доказательство. Мы с ним похожи, мы одинаково поступаем, у нас одни и те же жесты и привычки. У нас у обоих полные губы и костлявые пальцы, мы готовы смотреть любые спортивные состязания, но терпеть не можем заниматься спортом и отказываемся есть любое блюдо, если в нем есть хоть капля уксуса. Между нами даже есть телепатическая связь, этот таинственный дар, позволяющий близнецам без слов знать, что думает каждый из них. Хотите пример? Я знала, что мой брат гей, еще до того, как он сам это понял.

Он затушил косяк о блюдце, в котором уже было полно пепла, и поставил его на приставной столик.

– Если хочешь знать, мама страшно переживает. Она уже скупила весь «Крогер», и у нее еще вот такой список продуктов, которыми она собирается набить твой холодильник. Если ты как можно быстрее не позволишь ей начать нянчиться с тобой, то скоро у тебя будет столько провизии, что ты сможешь открыть столовую для бездомных.

– Если я позволю, то все это станет правдой. – Я вздохнула и прижалась к нему, положив голову ему на плечо. – А я говорю себе, что это не так. Что в пятницу вечером Уилл войдет в эту самую дверь весь взмокший, мятый, сердитый, и я закричу: «Я же вам говорила!» Я говорила, что Уилла не было в том самолете. Я все жду, что кто-нибудь ущипнет меня, возьмет за плечи и встряхнет, чтобы я проснулась, но этого не происходит. Я застряла в этом кошмаре.

– Это точно. – Он берет меня за руку и большим пальцем дотрагивается до кольца. – Симпатичное «Картье».

Я снова пытаюсь сдержать слезы.

– Мы с Уиллом пытаемся забеременеть. Возможно, ты уже дядя.

Дэйв молча смотрит на меня секунд тридцать. Он не говорит ни слова, но это и не нужно. «Долго это будет продолжаться? – вопрошают его глаза. – Сколько еще мы будем говорить об Уилле так, будто он еще здесь?»

– Столько, сколько сможем, – отвечаю я.

Что же касается наших попыток забеременеть, то тут он не кажется удивленным.

– Что вы так долго собирались? Мы с Джеймсом думали, что за это время вы нарожаете целый выводок.

– Уилл хотел подождать. Он говорил, что еще какое-то время не хочет ни с кем меня делить.

– И что изменилось?

Я задумалась.

– Не знаю, и, если честно, мне в голову не приходило спрашивать. Я была так счастлива, что он наконец согласился. Он говорит, что хочет маленькую девочку, похожую на меня, но, если все это правда, если этот кошмар происходит на самом деле, я надеюсь, что это будет маленький мальчик, похожий на него.

– Даже после несуществующей конференции?

Конечно, Дэйв уже в курсе. Мама наверняка вытащила все что можно из Клэр, а потом часами препарировала ложь Уилла с каждым, кто готов был слушать. Уверена, что у нее уже заготовлен длинный список теорий относительно того, почему Уилл так поступил, для чего ему понадобились сложности с

изготовлением флаера конференции, зачем он забронировал билеты на два рейса в противоположные концы страны.

Но я и так уже знаю ответы. Чтобы я не узнала, куда он направляется, что собирается там делать и с кем намеревается встречаться. Любой подойдет.

Бессильная ярость, которая до этого сотрясала меня под одеялом, грозит вырваться на поверхность, и я с трудом справляюсь с ней. Я люблю мужа. Я скучаю по нему и хочу, чтобы он вернулся. Эмоций так много, и они так сильны, что не оставляют места для злости. Я торгуюсь с Богом, хотя даже до конца не уверена, верю ли в него: «Верни мне Уилла, и я даже не стану спрашивать, где он был. Обещаю, что даже не вспомню об этом».

– Одна ложь не отменяет семь лет брака, Дэйв. Взбесила ли она меня? Возможно. Но этого недостаточно, чтобы уничтожить мою любовь к мужу.

Он нехотя пожимает плечами:

– Конечно нет. Но можно я задам тебе один вопрос? Только не злись. – Он ждет, и я неохотно киваю. – А что насчет Сиэтла? Я не имею в виду дождь, «Старбакс» и клетчатые рубашки.

Я всплескиваю руками.

– Черт, я не знаю. Уилл вырос в Мемфисе, потом сразу после окончания магистратуры в университете Теннесси переехал в Атланту. Вся его жизнь прошла на Восточном побережье. Он никогда даже не упоминал про Сиэтл. Насколько мне известно, он никогда там не был. – Я разворачиваюсь и смотрю в кошачьи глаза, того же темно-оливкового цвета, что и у меня. – Но ведь на самом деле ты хочешь знать, думаю ли я, что у него интрижка.

Дэйв неторопливо кивает.

– А ты думаешь?

Внутри у меня все сжимается – не потому, что я считаю, будто муж меня обманывал, а потому, что так будут думать все остальные.

– Нет. Но я также не думаю, что он был в том самолете, хотя сейчас не слишком хорошо соображаю. А что думаешь ты?

Дэйв надолго замолкает, обдумывая ответ.

– Когда дело касается зятя, у меня больше вопросов, чем ответов. Не пойми меня неправильно, мне он очень нравится, особенно то, что он так сильно тебя любит. Такую любовь невозможно сыграть, каждый раз, когда тыходишь в комнату, его лицо озаряется таким счастьем, что я бываю вынужден отворачиваться – а я гей. Я в этом разбираюсь. Так что, отвечая на твой вопрос, нет, я не думаю, что у твоего мужа была интрижка.

Мое сердце, которое и так уже держалось на честном слове, раскалывается на две половины. Не потому, что Дэйв верит моему мужу или говорит о нем как о живом, но еще и потому, что его собственная любовь ко мне так сильна, что автоматически распространяется на другого человека. Я беру его под руку и кладу голову ему на плечо, думая, что никогда не любила брата сильнее.

– Я просто хочу сказать, что, когда Уилл вошел в твою жизнь, у него совсем никого не было. Родители умерли, ни братьев, ни сестер у него нет, он никогда не упоминает о каких-то других родственниках или друзьях. У всех есть прошлое, а тут складывается впечатление, будто до встречи с тобой он и не жил вовсе.

Дэйв не совсем прав. У Уилла много коллег и знакомых, но друзей действительно мало. Но это потому, что ему, как всем технарям, нужно много времени, чтобы открыться.

Я сажусь прямо и разворачиваюсь, чтобы видеть лицо брата.

– Потому что он растерял всех школьных друзей, кроме одного, но и тот переехал в Коста-Рику. У него там школа серфинга или что-то в этом роде. Мне известно, что они до сих пор переписываются по имейлу.

– А как насчет остальных? Друзья, бывшие соседи, партнеры по спортивному клубу и собутельники.

– Мужчины не заводят столько друзей, как женщины. – Дэйв вопросительно смотрит на меня, и я поясняю: – Гетеросексуальные мужчины, я имею в виду. Им не нужно, чтобы их окружало много людей, и, кроме того, ты же знаешь Уилла. Он предпочитает сидеть дома у компьютера, чем проводить время в шумном, многолюдном баре.

Это одна из причин, почему мы семь лет назад тайно поженились в Северной Каролине, захватив с собой только моих родителей и Дэйва с Джеймсом в качестве свидетелей. Уилл не любит толпу и ненавидит быть в центре внимания.

– Даже у интровертов есть лучшие друзья, – говорит Дэйв. – А у Уилла?

Это просто. Я уже открываю рот, чтобы ответить, но Дэйв опережает меня:

– Кроме тебя.

Я замолкаю. Теперь, когда, благодаря Дэйву, я выбываю из списка, вопрос заставляет меня задуматься. Уилл рассказывает о многих из тех, с кем он знаком, но я и правда ни разу не слышала, чтобы он называл кого-то другом.

Дэйв зеваает и глубже откидывается на спинку дивана, еще немного, и он, забыв про свой вопрос, начинает клевать носом. Сидя рядом с похрапывающим братом, я смотрю на мелькающие на экране телевизора жуткие кадры и ничего не вижу.

Вместо этого я думаю о нашей первой годовщине, когда я устроила Уиллу сюрприз в виде поездки в Мемфис. У меня ушло несколько недель на подготовку импровизированного маршрута «Твоя жизнь». Из скудных рассказов Уилла о детстве я по крупицам выуживала информацию о значимых для него местах. Школа, улица, где он жил до тех пор, пока не умерла мать, «Пицца Хат», в которой он работал по вечерам и в выходные.

Но чем ближе подъезжали мы к городу, тем больше Уилл нервничал и тем молчаливей становился. На пустынном участке трассы I-40 он наконец признался. У него было несчастливое детство, и ему было неприятно возвращаться к воспоминаниям о жизни в Мемфисе. Одного раза было вполне достаточно. Мы развернулись и провели выходные в Нашвилле, исследуя местные бары.

Так что нет, Уилл не любил говорить о своем прошлом.

А Сиэтл? Что там? Или кто там?

Я смотрю на спящего брата, его грудная клетка вздымается и опускается в темноте. Как бы мне хотелось отмахнуться от подозрений Дэйва, отгородиться от его сомнений по поводу Уилла, чтобы все вопросы улетучились как дым.

Насколько хорошо я знала своего мужа?

7

В следующий раз я спускаюсь вниз, когда на часах уже почти десять. Все мои на кухне, пьют кофе и слушают, как Джеймс вслух зачитывает с айпада новости о крушении. Отец, сидящий за столом, кашляет в кулак. Джеймс замолкает на полуслове, все поворачиваются ко мне, и вид у них при этом виноватый и одновременно участливый, как у четырех ребяташек, которых я застала за кражей печенья.

– Черный ящик нашли? – спрашиваю без лишних предисловий.

Мама роняет лопатку в сковороду, на которой жарится яичница, и разворачивается ко мне всем корпусом, выглядит она так, будто провела ночь не лучше меня. Черные круги под глазами напоминают синяки, а обычно тщательно завитые с помощью термобигуди волосы безжизненно свисают вдоль опухшего лица.

– О, детка. – Она спешит ко мне по кафельному полу и крепко обнимает. – У меня просто сердце разрывается. Я могу что-то для тебя сделать? Тебе что-нибудь нужно?

Ох, сколько мне всего нужно. Мне нужно знать, что заставило Уилла сесть в тот самолет. Почему самолет упал. Какими были последние мгновения жизни мужа, кричал ли он от ужаса или же ни о чем не догадывался – вот он решает, что выбрать, орешки или соленые крендельки, а в следующую секунду

превращается в пыль. Мне нужно знать, где он сейчас – в прямом и переносном смысле. Будет ли что хоронить?

Но больше всего мне нужно, чтобы Уилл был там, куда, по его словам, он направлялся. В Орландо.

Я высвобождаюсь из маминых объятий и смотрю на Джеймса, который до моего появления читал новости.

– Им удалось выяснить, почему самолет упал?

– Пройдут месяцы, прежде чем можно будет точно сказать, – осторожно отвечает Джеймс. Его голубые глаза внимательно и методично оглядывают меня, как будто он пытается проверить мой пульс на расстоянии. – Как ты спала?

Я качаю головой. От меня не укрылось то, как все переглянулись, когда я спросила про причину крушения, и я точно не хочу обсуждать, как мне спалось.

– Просто скажи мне, Джеймс.

Он вздыхает и смотрит поверх моего плеча на Дэйва, словно спрашивая у него разрешения. Дэйв, должно быть, кивает, потому что Джеймс переводит взгляд на меня.

– Учти, что сейчас это только предположение, но в прессе говорится о механической проблеме, вызванной ошибкой пилота.

– Ошибка пилота. – Я еле ворочаю языком, он будто намазан патокой.

Джеймс кивает.

– Ошибка пилота. То есть кто-то облажался, и теперь мой муж мертв.

Джеймс меняется в лице.

– Мне жаль, Айрис, но дело обстоит именно так.

К горлу подступает тошнота, и комната начинает кружиться – или, может, это я.

Джеймс вскакивает с табурета и, обогнув барную стойку, подхватывает меня под локоть.

– Хочешь, я дам тебе что-нибудь? Я не в силах излечить твое горе, но таблетка может смягчить его, по крайней мере, в течение нескольких следующих дней.

Я мотаю головой. Мое горе такое острое, но кажется, это единственное, что связывает меня теперь с Уиллом. Мысль о том, что я могу потерять и эту связь, пускай даже приносящую мне такую невыносимую боль, вызывает у меня панику.

– Я бы не отказался от ксанакса, – говорит Дэйв.

Джеймс бросает на меня взгляд, говорящий «этот твой ненормальный братец», потом похлопывает меня по руке.

– Подумай об этом, ладно? Я могу выписать рецепт на все, что тебе нужно.

Я изо всех сил стараюсь улыбнуться.

– Идем. – Мама увлекает меня к столу, заставленному едой. Блюдо с яичницей, горка плавающего в масле бекона и сосисок, целая буханка поджаренного хлеба. Для мамы нет лучшего способа показать свою любовь, чем обильная еда, и сегодня утром ее любви хватило бы на то, чтобы накормить целую армию. – Что ты будешь?

Я смотрю на еду, и запахи ударяют мне в нос, от вида маслянистой яичницы и жареного свиного жира в желудке у меня все переворачивается.

– Ничего.

– Тебе надо поесть. Как насчет блинчиков? Я их сделаю по-голландски с яблоком и беконом, как ты любишь.

Дэйв выглядывает из-за кофейника.

– Мам, оставь ее в покое. Она поест, когда проголодается.

– Иди сюда, малышка. – Отец зовет меня из-за стола, похлопывая по соседнему стулу. – Я занял тебе место.

Отец в прошлом военный моряк и блестящий инженер с простой улыбкой и неплохим броском в прыжке, но его главный талант – это умение вовремя вклиниться между мной с братом и мамой.

Я опускаюсь на стул и прижимаюсь к отцу, а он крепко обнимает меня. В нашей семье не принято выставлять чувства напоказ. Мы обнимаемся только при встрече или при прощании. Целуемся редко и обычно даже не соприкасаемся кожей. Но сегодня я уже успела подержаться с братом за руку, упасть в мамины объятия и приласкаться к отцу. Вот что делает смерть. Она сближает и одновременно разделяет.

Мой взгляд падает на блокнот, исписанный в отцовской манере печатными буквами. На каждой странице – список дел, разделенных по важности и по категориям. Если бы здесь был Уилл, они с отцом вместе трудились бы над этим шедевром левополушарного мышления. Я отодвигаю папины очки для чтения и просматриваю записи. Мне кажется нечестным, что дел так много, а хочется только одного – вернуться в постель и забыть о вчерашнем дне, как будто его и не было.

И тут я замечаю несколько пунктов в самом низу страницы.

– Компенсация? – ядовито спрашиваю я.

– Авиакомпания собирается выплатить семьям жертв некоторую сумму, Айрис. Понимаю, это кажется жестоким, но я просто беспокоюсь за мою девочку. И позабочусь, чтобы ты получила все, что тебе причитается.

Как будто деньгами «Либерти эйрлайнс» может исправить негодные самолеты и некомпетентных пилотов. «О, мы убили вашего мужа? Вот, идите купите себе что-нибудь».

– Я скорее умру с голода, чем прикоснусь к их кровавым деньгам.

– Вот и отлично, не прикасайся к ним. Положи деньги в банк и забудь про них. Я позабочусь о том, чтобы ты их получила.

Я хватаю ручку и дописываю еще один пункт: «узнать о благотворительных организациях помощи семьям погибших». Может, кто и воспользуется деньгами «Либерти эйрлайнс», но уж точно не я.

Я быстро просматриваю следующую страницу, потом еще одну и еще, пока не натыкаюсь на надпись вверху страницы: ПРЕССА. Под ней отец поместил длинный список звонков, где указал дату, время, имя звонившего и название СМИ. Не все названия мне знакомы, но многие бросаются в глаза. People magazine. The Today show. The Atlanta Journal-Constitution. Diane Sawyer. USA TODAY.

– Как они меня нашли? Нашего номера нет в справочнике.

Дэйв устраивается во главе стола, держа в руках сэндвич с яйцом и беконом.

– Не знаю, но телефон звонит не переставая. Где-то с час назад мы его отключили. Но когда я последний раз смотрел, у дома стояло три новых фургона.

– Серьезно?

– Абсолютно. И ты помнишь ваше с Уиллом фото с последнего Нового года? Оно заполонило весь Интернет.

Ну что ж, они могли выбрать снимок и похуже. Наш лучший отпуск, на лицах сияют глуповатые улыбки, Уилл обнимает меня. Снимок мне так понравился, что я установила его в качестве аватарки на своей странице в «Фейсбуке», оттуда они его, вероятно, и взяли.

Мама ставит передо мной тарелку, на которой высилась небольшая гора еды.

– Вот, лифье[4 - Малышка (гол.)]. Постарайся поесть хоть немного.

Я беру вилку, отрезаю маленький кусочек сосиски и катаю его туда-сюда по тарелке, пока мама не уходит обратно на кухню.

Отец переворачивает страницу.

– «Либерти эйрлайнс» открыла Центр помощи семьям в международном терминале Хартсфилда. Твое контактное лицо дама по имени... – он надевает очки и сверяется со своими записями, – Энн Маргарет Майерс.

Дэйв фыркает, откусывая гигантский кусок.

– Какой идиот собирает родственников погибших при крушении в аэропорту?

– Очевидно, «Либерти эйрлайнс», – говорит отец. – Мы должны приехать для того, чтобы они могли, цитирую: «Принести соболезнования и предоставить консультации, обсудить планы и ответить на вопросы».

– Планы? – переспрашиваю я. – Какие планы?

– Ну, для начала они говорят о поминальной службе в эти выходные.

Отец старается говорить как можно мягче, но я все равно чувствую, как во мне закипает уже знакомый гнев. Намерение «Либерти эйрлайнс» устроить поминальную службу походит на оскорбление, это то же самое, как если бы сосед, задавивший вашу собаку, в качестве покаяния принес вам цветы. Я не собираюсь принимать их публичные извинения и не в силах простить им их ошибку.

– То есть я должна принять помощь от людей, по чьей вине погиб мой муж? Это же абсурд. – Я с силой отодвинула тарелку на середину стола, и пирамида из омлета съехала через край.

– Так может показаться, милая, но это касается не только «Либерти эйрлайнс». Там будут и представители Красного Креста, и ребята, которые собирают информацию о крушении. Мне интересно послушать, что они скажут и чего мы не узнаем из телевизора или газет.

– Может, ты спросишь у них, кто поднял шумиху в прессе, – говорит мама, с грохотом ставя на стол солонку и перечницу. – Это непростительная ошибка, и мне не терпится высказать этим людям все, что я о них думаю.

– Кто бы это ни был, он лишится работы, я прослежу за этим. – В отце просыпается командир – его голос звучит решительно, громко и четко. Он поворачивается ко мне, и выражение его лица сменяется со свирепого на обеспокоенное. – Милая, нравится тебе это или нет, но рано или поздно нам придется пообщаться с «Либерти эйрлайнс». Если хочешь, я могу взять это на себя или, наоборот, не стану вмешиваться, и ты уладишь все сама. Решать тебе. Ты не думаешь, что нам в любом случае нужно, как минимум, съездить туда и послушать, что скажет эта мисс Майерс?

Мне совсем так не кажется. Я видела такое по телевизору – рыдающие родственники проталкиваются сквозь окружившие их телекамеры, стремящиеся показать их отчаяние всему миру. И теперь отец предлагает мне стать одной из них?

И потом, у меня слишком много вопросов, и прежде всего: «Что вы сделали с моим мужем?» Если у этой мисс

Энн Маргарет Майерс есть ответ, то она может разместить мое зареванное лицо хоть на светодиодных экранах на бейсбольном стадионе «Сан Траст Филд», мне плевать.

Я встаю из-за стола и иду наверх одеваться.

В последний вечер своей жизни Уилл готовил. Не какие-то там полуфабрикаты или что-то из отдела замороженных продуктов, а настоящую домашнюю еду. Для человека, который, когда мы познакомились, даже не умел резать помидоры, приготовить ужин, видимо, было непростым делом, и он, вероятно, потратил на это целый день. Возможно, он что-то предчувствовал, что-то говорило ему, что его час близок, но в тот вечер – в нашу седьмую годовщину – меня ждала домашняя еда, к тому же впервые приготовленная им собственноручно.

Я застала его на кухне склонившимся над моей поваренной книгой, в воздухе витал восхитительный аромат.

– Что происходит?

Он поспешно обернулся, в волосах застряла веточка тимьяна, а выражение лица одновременно было гордым и виноватым.

– Э... Ну... Я готовлю.

Что ж, это было очевидно. Он использовал все имеющиеся у нас кастрюли и сковородки, каждый сантиметр кухонного стола был завален продуктами, специями и кухонными принадлежностями. Сам Уилл с головы до ног был в муке и масле.

– Что ты делаешь? – улыбнулась я.

– Ростбиф из спинной мякоти, молодой картофель с маслом и петрушкой, а как называются эти тощие стручки в беконе, я забыл.

– Зеленая фасоль?

Он кивнул.

– А еще я приготовил десерт. – Он показал на два шоколадных фондана в белых формочках, остывающих рядом с плитой. Он даже посыпал их сахарной пудрой.

Видя, что я молчу, он сказал: – Мы все еще можем куда-нибудь пойти, если хочешь. Я просто подумал...

– Идеально, – произнесла я, и действительно так думала. Мне было все равно, что в кухне разгром, или что у нас забронирован столик в новом модном суши-ресторане в Бакленде. Уилл готовил, и делал это для меня. Я улыбнулась и потянулась его поцеловать. – Ты идеальный.

Чего нельзя было сказать о еде. Мясо оказалось пережаренным, картошка разваренной, а фасоль холодной, но ничего вкусней я не пробовала. Я съела все

до последнего кусочка. После ужина мы отправились наверх, прихватив с собой десерт, и наслаждались им в постели. Вкус поцелуев смешивался со вкусом шоколада, сводя нас обоих с ума, и мы любили друг друга так, будто завтра никогда не наступит.

Но завтра наступило.

8

– Миссис Гриффит, позвольте мне прежде всего выразить вам свои глубочайшие соболезнования в связи со смертью вашего мужа.

Отец, Дэйв и я плечом к плечу сидим напротив нашего куратора в «Либерти эйрлайнс», Энн Маргарет Майерс, худенькой женщины с убранными в хвост белокурыми волосами. Судя по карточке, висящей у нее на шее, она специалист по оказанию помощи, и я с первого взгляда проникаюсь к ней ненавистью. Я ненавижу ее накрахмаленную розовую блузку и то, как она наглухо застегнута на все пуговицы до самой ямки на шее. Ненавижу ее французский маникюр и то, что она так крепко сцепила руки, что даже кожа на пальцах побелела. Ненавижу ее тонкие губы, и глаза цвета грязной лужи, и выражение сочувствия, настолько преувеличенного, что мне приходится сидеть на руках, чтобы не сорвать эту маску с ее лица.

Отец кладет руки на деревянный стол.

– Собственно, мисс Майерс, для начала мы хотели бы, чтобы вы объяснили нам, как так получилось, что имя Уилла стало известно прессе, прежде чем его жена узнала о том, что он был в том самолете.

Энн Маргарет выпрямляется на стуле.

– Простите?

Отец пожимает плечами, и этот жест не случаен.

– Казалось бы, у авиакомпании есть лучшие способы известить родственников, чем сообщать имена пассажиров журналистам, но что я в этом понимаю? Я думаю, что вы в «Либерти эйрлайнс» смотрите на вещи по-другому. Могу сказать одно: эта ваша политика – дерьмо.

– Я... – Она открывает и закрывает рот, как выброшенная на мель рыба. Она смотрит то на отца, то на меня. – Вы узнали о мистере Гриффите из новостей?

Мы втроем киваем.

– О боже, я понятия не имела. Уверяю вас, миссис Гриффит, и вас, мистер Стаффорд, что это не политика «Либерти эйрлайнс». Кто-то совершил огромную, непростительную ошибку, и поверьте, я очень, очень сожалею.

Я знаю, что она делает. Она пытается дистанцироваться и от компании, и от совершенных ею ошибок, но на это не я куплюсь. Ни за что.

Отец, судя по его хмурому виду, тоже не настроен отступить.

– Я ценю это, мисс Майерс, но уверен, вы понимаете, что ваших извинений недостаточно. Нам нужны объяснения, и мы хотим услышать их от тех, кто действительно в ответе за произошедшее.

Он откидывается назад, скрестив руки на груди, – авторитетный, властный, не терпящий возражений. В нужный момент на отца всегда можно положиться. Сегодня он командует.

Энн Маргарет явно напугана.

– Конечно, я понимаю. Как только мы закончим, я выясню, чья это вина, и организую для вашей семьи личную встречу с этим человеком. Устраивает ли вас троих такое решение?

Отец сдержанно кивает, я же не двигаюсь. По-моему, она просто пытается нас задобрить, но я слишком устала, слишком потрясена и разбита, чтобы что-то говорить, иначе я бы давно уже придушила ее.

Мы сидим в представительском зале ожидания авиакомпании «Либерти эйрлайнс» в новеньком новом терминале аэропорта Хартсфилд. Это просторное, роскошно декорированное помещение с зонами отдыха и баром, одна из стен которого, полностью стеклянная, выходит на зону посадки и высадки пассажиров. Самолеты с ревом снуют туда-сюда по ту сторону стекла, словно гигантские снаряды, возбуждая во мне преступные намерения.

– Журналисты уже добрались до вас? – спрашивает Энн Маргарет, и я поворачиваюсь к столу.

Дэйв кивает.

– Они все утро звонили на домашний телефон, и на улице дежурит пара фургонов. Кое-кто из репортеров даже набрался наглости позвонить в дверь и попросить об интервью.

Она с отвращением качает головой.

– Мы специально просили представителей прессы уважать частную жизнь семей, но не все журналисты прислушиваются к нашим просьбам. Единственное, что я могу сделать, – это помочь вам избежать встречи с ними на выходе. Могу я предложить вам попросить кого-то из друзей семьи взять на себя общение с прессой? Тогда вам не придется встречаться с ними, пока вы не будете готовы.

Отец внес еще один пункт в свой список, занимавший уже несколько страниц.

Вокруг нас много людей, и все они плачут. Седой мужчина с небритым лицом, индианка в сари цвета бирюзы с серебром, чернокожий подросток, у которого брильянты в запонках больше, чем камень в моем обручальном кольце. Слезы текут у них по щекам, но они этого не замечают. Кажется, что сам воздух в зале пропитан отчаянием. Вид чужого горя так же заразителен, как зевота. Внезапно я тоже начинаю всхлипывать.

Энн Маргарет протягивает мне упаковку салфеток.

– Мисс Майерс, – говорит отец, – может, вы вкратце познакомите нас с последними новостями? Есть какая-то новая информация?

– Прошу вас, зовите меня Энн Маргарет. И да, конечно. Как вы, возможно, слышали, оба черных ящика, бортовой регистратор полетных данных и речевой самописец из кабины пилотов, найдены и отправлены в Национальный совет по безопасности на транспорте для исследования. Однако должна вас предупредить. Окончательный отчет будет готов только через несколько месяцев, а то и лет.

Я морщусь. Месяц и то звучит как целая вечность, а тут годы.

– Между тем... – Она чуть пододвигает к нам папку с документами и указывает кончиком пальца на напечатанный на ней адрес сайта. – Это теневой сайт, то есть он не предназначен для широкого доступа. На него нет ссылок, найти его можно, только набрав точный адрес. «Либерти эйрлайнс» будет размещать на нем отчеты и новую информацию, доступ к которым будет только у друзей и родственников пассажиров. Вы также сможете найти там список имен, телефоны и адреса электронной почты всех сотрудников группы помощи и содействия семьям погибших. Они доступны круглосуточно. Вы – моя семья, и помогать вам – моя первостепенная задача.

Я поднимаю голову и смотрю на нее.

– В каком смысле мы ваша семья?

Она улыбается мне:

– За семьей каждого из погибших пассажиров закрепляется специалист по оказанию помощи и содействия. Для вашей семьи – это я. Вы – моя семья. Если кому-нибудь из вас что-то понадобится, вам нужно просто сказать об этом мне, и я обо всем позабочусь.

– Превосходно. Для начала верните мне моего мужа.

Она опускает плечи, наклоняет голову и вновь надевает маску сочувствия.

– Мне жаль, что я не могу этого сделать, миссис Гриффит. Правда, жаль.

Я ненавижу эту женщину. Ненавижу так сильно, что на пару секунд даже начинаю верить во все, что случилось. Конечно, я понимаю, что в том, что кто-то небрежно провел проверку безопасности или совершил крен влево, когда надо было повернуть вправо, нет ее вины, но и в ее притворное «я на вашей стороне» тоже не верю. Если эта женщина действительно так печется о моих интересах, как утверждает, она скажет мне то, что я хочу услышать.

– Как мой муж попал в самолет?

Энн Маргарет не сразу улавливает, о чем идет речь, а потом виновато улыбается:

– Простите, но я не совсем понимаю, что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, видел ли кто-нибудь, как он заходил в самолет? Дело в том, что он вышел из дома с опозданием, и, даже если он не застрял в пробке, что маловероятно, ему еще нужно было пройти досмотр и попасть в терминал. В самолет в таком случае он должен был войти последним, даже если каким-то чудом не опоздал.

Она ерзает на стуле и поглядывает на отца, словно ждет, что он ей поможет. Не дождавшись поддержки, она переводит взгляд на меня.

– Вы спрашиваете, почему в авиакомпании уверены, что ваш муж сел в самолет?

– Да. Именно это я и пытаюсь выяснить.

– О'кей. Давайте подумаем, хорошо? Все авиакомпании придерживаются определенных процедур. Так что ошибки, подобные той, о которой вы говорите, невозможны. Билеты пассажиров сканируются на контрольно-пропускном пункте, а потом еще раз уже на выходе на посадку. Прямо перед посадкой в самолет. Техника не врет. Она гарантирует нам отсутствие ложноположительного ответа.

Я слышу смех Уилла так ясно и отчетливо, как будто он сидит рядом со мной. Если бы это было так, он объяснил бы этой леди, что техника врет по определению, поскольку ее создают и контролируют люди. Бывают сбои. Бывают

поломки. Бывают ложноположительные и ложноотрицательные ответы. Так что Энн Маргарет может сколько угодно пытаться убедить меня, что я напрасно трачу время, но я уверена, что тут не все так однозначно.

Вспышка гнева сменяется чувством удовлетворения. Если авиакомпания могла совершить столь вопиющую ошибку: не позвонив мне, прежде связаться с прессой, то кто возьмется утверждать, что имя Уилла в списке пассажиров тоже не было ошибкой? Гигантской, переворачивающей жизнь, но все же ошибкой.

– Что, если, уже идя по телетрапу, он повернулся и пошел обратно? А служащая на пропускном пункте проверяла билеты других пассажиров и не заметила, как он вышел.

– Полагаю, такое возможно... – Энн Маргарет отводит глаза в сторону и даже не скрывает своих сомнений. Она также не задает самый очевидный вопрос – почему кому-то вообще могло понадобиться развернуться и выйти? Если бы она спросила, я сказала бы ей, что это был не тот рейс, летевший не в том направлении. – Может, вы хотите поговорить с кем-нибудь?

Это другой разговор. Я уже собираюсь кивнуть, полагая, что она имеет в виду своего босса или, еще лучше, начальника службы безопасности Хартфилда.

– Со священником или с кем-то из светских служб? У нас здесь работают психологи из Красного Креста, а также представители основных религиозных конфессий. Кого вы предпочитаете?

Внутри меня нарастает раздражение.

– Мне не нужен психолог. Я сама психолог. Единственное, что мне нужно, – это чтобы кто-нибудь сказал мне, где мой муж.

Энн Маргарет замолкает. Она кусает нижнюю губу и поглядывает на своих коллег, находящихся за соседними столами и утешающих безутешных, словно спрашивая: «И что теперь? Этому нас не учили на тренинге для специалистов по оказанию содействия». Я озадачила ее.

– И что теперь? – спрашивает отец, ему, как всегда, нужен план. – Что мы делаем дальше?

Энн Маргарет с облегчением ухватила за возможность вернуться к своему сценарию.

– В эти выходные в городе пройдет церемония прощания. «Либерти эйрлайнс» еще дорабатывает детали, но, когда станут известны место и время, я вам сразу же сообщу. Если хотите, я могу забрать вас от дома и сопровождать на службу. Конечно, это вам решать, но там будет много журналистов, а я знаю, как их обойти. И если вам интересно, я могу также помочь спланировать посещение места крушения.

На последних словах у меня перехватывает горло. Место крушения. Я с трудом могу видеть даже телевизионные кадры. А при мысли, что придется ходить среди обломков, стоять на земле, принявшей 179 душ, мне кажется, что меня ударили в живот.

– Спешки никакой нет, – говорит Энн Маргарет, заполняя тишину. – Сообщите, когда будете готовы.

Поскольку я снова не отвечаю, она, сверившись с бумагами, переходит к следующему пункту:

– Ах да, «Либерти эйрлайнс» в сотрудничестве с независимой компанией занимается организацией процесса возвращения личного имущества родственникам пассажиров. Форму для заполнения вы найдете на странице двадцать три. Чем больше подробностей вы сможете указать, тем лучше. Фотографии, описания, особые приметы, ну и тому подобное.

Уилл не любитель ювелирных украшений, но он носит обручальное кольцо и часы. То и другое подарила ему я, предварительно снабдив гравировкой с нашими инициалами, и хотела бы получить их обратно.

– То есть вы все же полагаете, что он был в том самолете.

Понимаю, что демонстрирую классическую стадию отрицания. Я не верю, потому что это не может быть правдой. Уилл не лежит в полях Миссури. Он в Орландо, завораживает участников конференции своим докладом о прогнозно-аналитическом программном обеспечении и жалуется на жару в баре отеля. А может, он уже дома, помятый и уставший после поездки, размышляет, что у нас на ужин. Я представляю, как вхожу в дверь и вижу его, и внутри у меня зарождается радость.

– Миссис Гриффит, я понимаю, как это, должно быть, трудно, но...

– Правда? Вы понимаете? Потому что в том самолете был ваш муж? Или это ваших родителей или детей разорвало в клочья на кукурузном поле? Нет? Тогда вы не понимаете и не можете понять, как это трудно для меня. Для любого в этом зале.

Энн Маргарет наклоняется к столу и хмурит брови.

– Нет, я не потеряла родных на рейсе 23, но я тоже испытываю глубокую скорбь и сочувствие к вам, а также ко всем, кто пришел сегодня сюда. Я разделяю вашу боль и страдание, и я на вашей стороне. Скажите мне, что вы хотите, чтобы я сделала, и я это сделаю.

– Верните мне моего мужа! – выкрикиваю я.

За соседними столами становится тихо, головы всех сидящих поворачиваются в мою сторону. Они тоже хотят, чтобы им вернули тех, кого они любили. Если бы мы сидели рядом, то могли бы пожать друг другу руки. Это дерьмовая ситуация, но, по крайней мере, я прохожу через нее не одна.

Дэйв в знак братской поддержки кладет руку мне на спину. Он понимает, что я на грани нервного срыва, и его главная цель сейчас – увести меня отсюда.

– Что-то еще?

– Да. Нам бы очень помогло, если бы вы сообщили имя и адрес врача и дантиста вашего мужа. Мы гарантируем, что вся собранная информация останется конфиденциальной и будет использоваться только судебными экспертами. И

простите, что я спрашиваю, но нам также нужен образец ДНК.

Отец берет меня за руку.

– Еще что-нибудь? – спрашивает он, сжав зубы.

Энн Маргарет достает из папки конверт и пододвигает его к нам через стол.

– Это первоначальный взнос от «Либерти эйрлайнс» на покрытие расходов, связанных с катастрофой. Я знаю, что сейчас трудное время, и эти деньги должны, так скажем, немного облегчить груз, который ложится на плечи вашей семьи.

Я беру конверт и смотрю на вложенный в него листок бумаги. Очевидно, даже у смерти есть цена, и, если верить «Либерти эйрлайнс», она составляет 54 378 долларов.

– Будет еще, – говорит Энн Маргарет.

Угли гнева, разгоравшегося во мне с момента, как я вошла в этот зал, наконец вспыхивают неукротимым огнем. Безудержная ярость сжигает меня изнутри и гонит раскаленную лаву по моим венам. Руки сжимаются в кулаки, и я выпрямляюсь на своем стуле.

– Позвольте спросить у вас кое-что, Маргарет Энн.

– Энн... – Она обрывает сама себя, натянув сочувственную улыбку. – Конечно. Все, что угодно.

– На кого вы работаете?

Пауза. Она хмурит брови, будто спрашивая: «О чем вы говорите?»

– Миссис Гриффит, я уже вам говорила. Я работаю на вас.

– Нет. Я имею в виду, как называется компания, которая вам платит?

Она открывает рот, потом закрывает, делает вдох носом, потом еще раз.

– «Либерти эйрлайнс».

Я рву чек пополам, беру сумочку и встаю.

– Так я и думала.

Энн Маргарет сдержала по крайней мере одно из своих обещаний. Когда мы выходим из Центра помощи семьям, расторопные представители авиакомпании, одетые в униформу «Либерти эйрлайнс», быстро проводят нас через терминал и выводят на улицу через боковую дверь. Если журналисты и замечают нас на пути к машине, мы этого не видим. Люди в форме служат нам живым щитом.

Они загружают нас в отцовский «чероки», захлопывают дверцу и отступают прочь, как только отец заводит двигатель. Он переводит рычаг в положение «задний ход», но не убирает ногу с педали тормоза. Как и я, отец до сих пор пребывает в шоке, пытаюсь осмыслить все, что мы узнали за последний час. Я не представляю, сколько мы так сидим под звук урчащего под нами двигателя, молча уставившись в окно на бетонную стену парковки. И только когда я чувствую, как отец кладет теплую ладонь мне на колено, а Дэйв обнимает меня, я понимаю, что все это время плачу.

9

Всю ночь мне снится, что я – это Уилл. Я лечу высоко в облаках где-то над Миссури, надежно пристегнувшись в кресле у прохода. Внезапно самолет начинает падать. Он кренится набок и летит вниз, пронзительный рев двигателей так же оглушителен, как и мой собственный крик, в нем столько же ужаса, как в криках других пассажиров. Мы срываемся в пике и несемся к земле с нарастающей скоростью. Я проснулась в момент взрыва, мой рот, как песком, был забит предсмертным ужасом Уилла. Понимал ли он, что происходит? Кричал ли, плакал ли, молился ли? Думал ли он обо мне в последние секунды своей жизни?

Мне никуда не деться от всех этих вопросов. Словно вражеская армия, они захватывают мой мозг, бомбардируя его и заставляя меня подсакивать в постели. Зачем моему мужу говорить мне, что он направляется в одно место, а самому лететь в другое? Зачем ему понадобилось выдумывать несуществующую конференцию и демонстрировать поддельный флаерс в качестве фальшивого доказательства? Сколько еще раз он был не там, где говорил? На последнем вопросе мое сердце подпрыгивает, ответ очевиден – это то же самое, что пытаться забить квадратный колышек в круглое отверстие. Уилл не стал бы лгать. Он бы не стал.

И что дальше? Откуда тогда эта ложь?

Я поворачиваюсь на кровати, нащупывая в неверном утреннем свете пустую подушку. Прижимаю прохладную ткань к своему лицу и вдыхаю запах мужа, болезненные в своей яркости воспоминания накатывают на меня. Квадратная челюсть Уилла, освещаемая снизу экраном ноутбука. Волосы, неизменно спутанные с одной стороны, – задумавшись, он бессознательно начинал их ерошить. Улыбка, освещавшая его лицо всякий раз, как я входила в комнату, он никому так больше не улыбался. И прежде всего, ощущение, что мы единое целое, что я принадлежу ему, что мы не существуем по отдельности.

Мне нужен мой муж. Его теплое после сна тело и согревающие прикосновения, его голос, нашептывающий что-то мне на ухо, называющий меня его самым любимым человеком. Я закрываю глаза и вижу его, он с обнаженным торсом лежит рядом и манит меня пальцем. Внутри становится пусто. Уилл умер. Его больше нет, и меня тоже.

Свежая рана снова начинает нестерпимо болеть. Я ни секунды больше не могу оставаться в постели, в нашей постели. Я откидываю одеяло, натягиваю пижаму Уилла и спускаюсь вниз по лестнице.

В гостиной я щелкаю выключателем и жду, пока глаза привыкнут к яркому свету. Когда зрение возвращается, вижу картину нашей с Уиллом жизни, застывший во времени момент перед тем, как он уехал в аэропорт. Фантастический роман в мягкой обложке с загнутыми уголками страниц, который он читал, лежит на столе, стоящем рядом с его любимым креслом, рядом с книгой высится небольшая гора целлофановых оберток от конфет, я все время ворчу, что он их не убирает. Я улыбаюсь и тут же чувствую, как подступают слезы. Но я не даю им пролиться, потому что одно слово врезается в

мои воспоминания, словно мачете.

Почему?

Я отталкиваюсь от стены и направляюсь к книжным полкам.

Когда мы переезжали сюда в прошлом году, Уилл отказался от идеи домашнего офиса.

– Компьютерщику не нужен стол, – сказал он тогда, – только ноутбук с многоядерным процессором и место, где присесть. Но если ты хочешь, валяй.

Я не хотела. Мне нравилось устраиваться рядышком с Уиллом – за кухонным столом, на диване, в тенистом уголке на задней веранде. Стол в гостиной служил для разбора писем, хранения ручек и скрепок, а еще на нем стояли наши любимые фотографии – пойманные в объектив мгновения счастья. Мне невыносимо смотреть на них, и я поворачиваюсь к столу спиной.

Но нужно заняться бумагами на дом, их Уилл хранил в гостиной. Я опускаюсь на пол, рывком открываю дверцы стенного шкафа и восхищенно замираю при виде зрелища, достойного быть помещенным в каталог «Контейнер Стор». Разноцветные ряды одинаковых папок, содержимое каждой из которых напечатано на специальных этикетках. Все разложено по порядку и собрано по годам. Я вытаскиваю папки, раскладывая их по степени важности на полу. Где обнаружится очередная ложь?

Слева в шкафу высятся три лотка для бумаг, и я быстро просматриваю их. Брошюры, пожелтевший номер «Атланта бизнес кроникл», где на первой странице напечатана статья, посвященная «Эппсек», билеты на концерт «Роллинг стоунз», который состоится в конце лета. Сверху лежит аккуратная стопка неоплаченных счетов, скрепленных вместе и снабженных стикером, на котором рукой Уилла написано: «Срочно». Сердце начинает биться чаще, качая слишком много крови за раз, и я покрываюсь потом, несмотря на царящий в комнате холод. Уилл не умер. Он вернется. И эта записка тому доказательство. Мертвецы не ходят на концерты и не составляют список дел. Мой педантичный муж никогда не бросает дело незаконченным.

Я сижу по-турецки среди бумаг, одну за другой просматривая папки. Банковские выписки. Кредитные карты. Документы на займы, контракты и налоговые декларации. Я ищу... Сама не знаю что. Что-то, что расскажет мне о муже, которого, мне казалось, я хорошо знаю, какую-то подсказку, которая поможет мне понять, почему он внезапно превратился в лжеца.

Спустя полтора часа я наконец кое-что нашла. Его новое завещание, которое я прежде не видела, составленное всего месяц назад, это открытие подействовало на меня как удар ниже пояса. Он изменил завещание, не сказав мне? Не то чтобы мы были богаты. Купленный в ипотеку дом, пара кредитов за машины, – вот, пожалуй, и все. Все родственники Уилла умерли, а детей у нас нет. Пока. А там кто знает. За исключением этого гипотетического ребенка, наша ситуация совершенно ясна. Я пролистываю страницы, пытаюсь понять причину такого поступка.

И нахожу ее на седьмой странице: в начале года Уилл купил два новых страховых полиса. Вместе с тем, что у него уже был, сумма страховки составила – мне приходится взглянуть дважды, чтобы убедиться, что мне не показалось, – два с половиной миллиона долларов. Бумаги падают мне на колени, голова кружится от нолей. Сумма умопомрачительная и совершенно несоизмеримая с его зарплатой. Я знаю, что должна радоваться такой предусмотрительности, но не могу отделаться от новых вопросов, терзающих меня. Зачем ему два новых полиса? Почему так много?

– Можно спросить? – Я поднимаю глаза и вижу Дэйва, стоящего на пороге. На нем мятые после сна футболка Джеймса с эмблемой Гарварда и пижамные штаны, он отчаянно зевает. Но сейчас нет и семи, а Дэйв никогда не был ранней пташкой.

– Я ищу подсказки.

– Я уже понял. – Он поднимает к потолку свои длинные руки и делает пару поворотов корпусом, при этом его позвоночник издает звуки, напоминающие хлопки воздушных пузырей на упаковочной пленке. – Но я хотел спросить, удалось ли тебе найти доказательства другой жизни в Сиэтле?

– Как раз наоборот. Никаких необычных платежей или незнакомых имен. Только еще больше доказательств того, что, когда дело касается организации, мой муж

проявляет невероятную дотошность. – Я беру в руки завешание и нахожу седьмую страницу. – У тебя есть страховой полис?

– Ну да.

– На какую сумму?

Он запускает пальцы в свои темные волосы и взлохмачивает их так, что они остаются стоять дыбом.

– Точно не помню. Что-то около миллиона.

– А у Джеймса?

– Думаю, примерно столько же. А что?

– Два с половиной миллиона долларов. – Я потрясаю завешанием в воздухе. – Миллиона, Дэйв. Не слишком ли много?

Он пожимает плечами.

– Получателем страховой суммы, я полагаю, являешься ты?

– Конечно, – отвечаю я, а в мозгу уже рождается другой вопрос. Кто сказал, что эти полисы единственные, что он не купил еще, чтобы обеспечить кого-то в Сиэтле?

– Тогда и да и нет. Насколько я помню, страховая сумма должна составлять десять годовых доходов, так что да, Уилл застраховал свою жизнь на очень большую сумму. Но он любил тебя. Вероятно, просто хотел быть уверенным, что ты будешь хорошо обеспечена.

От слов Дэйва мое сердце снова начинает болеть, но я не поддаюсь. Да, муж меня любил, но он также мне лгал.

– Два полиса были куплены три месяца назад.

Он вскидывает голову, брови сходятся на переносице.

– Это либо невероятное совпадение, либо невероятная мерзость. Я еще не решил.

– Я за мерзость.

Он падает в кресло и трет руками лицо.

– Хорошо, давай подумаем. Никто не застрахует твою жизнь бесплатно, а сумма так велика, что ему пришлось бы отстегивать по сотне, а то и больше баксов в месяц.

Я указываю на стопку папок, в одной из них собраны банковские выписки за последний год.

– Ну, он точно не брал для этого деньги с нашего общего счета. Я просмотрела все выписки до единой и не нашла ничего, кроме астрономических счетов из «Старбакс».

– У него мог быть другой счет?

– Думаю, да. Но если в папках ничего нет, как мне его найти?

– В его компьютере. Электронная почта, закладки, история файлов и все такое.

– Уилл никогда не выходил из дома без ноутбука, а также без телефона и айпада.

– Ты можешь войти в его почту?

Я мотаю головой:

– Нет. Это мы используем в качестве пароля кличку собаки, которая была у нас в детстве. А Уилл – сгенерированный компьютером логин, который невозможно взломать, причем везде разный.

– Даже на «Фейсбуке»?

– Особенно на «Фейсбуке». Ты знаешь, как часто взламывают учетные записи в социальных сетях? Каждую чертову секунду. А дальше все полторы тысячи твоих подписчиков в «Твиттере» получают от тебя сообщения с рекламой фальшивых «Рэй-Бэн».

Уилл мог бы гордиться. Я слово в слово повторила лекцию, которую он прочел мне, когда я сообщила, что мой пароль везде: роки321.

Я вздыхаю, оглядывая гору бумаг и папок, в них нет ответов, это ясно. Ползая на коленях, я начинаю запихивать все обратно в шкаф.

– Знаешь, где бы я еще посмотрел, если бы хотел узнать секреты своего мужа? И это, скажу тебе, подтверждает все стереотипы, которые ты когда-либо слышала о мужчинах-геях.

Дотянувшись до очередной папки, я через плечо оборачиваюсь на брата, и мы в один голос произносим:

– В гардеробной?

* * *

В гардеробной Уилла царит безупречный порядок. Все вещи распределены по цветам и по типу. Рубашки для офиса, отутюженные, накрахмаленные и застегнутые на все пуговицы. Ряды брюк со стрелками, такими острыми, что ими можно резать хлеб. Джинсы, футболки и аккуратно развешанные рубашки поло. Я выдвигаю верхний ящик, и моему взору открываются ровные ряды трусов, туго свернутых в рулончики, как ириски «Тутси Роллс».

Это царство Уилла, и он тут повсюду. Я на мгновение замираю, смакуя это ощущение, как вино, и чувствуя, как внутри расползается пульсирующая боль. Идеальный порядок, мягкие ткани и яркие натуральные цвета, аромат пряного мыла и мяты – во всем этом ощущается присутствие Уилла. Как если бы я повернулась, а он здесь, улыбается той самой улыбкой, которая делает его моложе и старше одновременно. Впервые он подарил ее мне на парковке у

«Крогера», и она мне так понравилась, что я согласилась на чашку кофе, даже несмотря на то, что он на своем автомобиле протаранил мой бампер.

– Ты мог бы просто попросить у меня номер, – поддразнила я его спустя несколько дней, когда он провожал меня до дома после нашего первого официального свидания. – И машины остались бы целы.

– А как еще я мог привлечь твое внимание? Ты же уезжала.

Я рассмеялась.

– Бедные, ни в чем не повинные машинки.

– Жертва того стоила. – Он поцеловал меня, и я поняла, что он был прав.

– Ты в порядке? – мягко интересуется Дэйв.

Я киваю, боясь, что голос меня выдаст.

– Ты уверена, что хочешь этого? – Он смотрит на меня с беспокойством. – Ты же знаешь, что не обязана помогать.

– Я знаю, но мне этого хочется. – Он продолжает смотреть на меня с сомнением, и я добавляю: – Мне это необходимо.

– Что ж, хорошо. – Он указывает в начало шкафа, туда, где висятся идеальные стопки свитеров. – Я начну с того конца, а ты давай с другого. Встретимся посередине.

За работой мы почти не разговариваем. Мы проверяем каждый карман в брюках, рубашках и джинсах. Дэйв перетряхивает каждый свитер, а я обшариваю каждый ящик. Мы заглядываем в каждый ботинок, залезаем в каждый носок. Мы ищем целый час, но не находим ничего, кроме пыли.

– Я, конечно, знал, что твой муж педант, но это просто ненормально. Мы должны были найти хотя бы мусор. Старые билеты, записки, визитки, рецепты, какую-нибудь мелочь. Есть какое-то место, куда он выкладывал все из карманов?

– Для мелочи у нас есть банка в прачечной, а остальное... – Я так старательно пожимаю плечами, что почти достаю до ушей.

Мы с братом сидим на полу в гардеробной среди сваленной в кучу одежды и обуви. Гардеробная выглядит так, будто по ней прошелся торнадо, сметая вещи с вешалок и полок и швыряя их на пол. Я поднимаю свитер из мягчайшего кашемира, который купила Уиллу на прошлый день рождения, и подношу его к лицу, вдыхая знакомый запах. В этот момент я так явно ощущаю присутствие Уилла рядом с тобой, что у меня перехватывает дыхание, а волосы на затылке встают дыбом. «Эй, сладкая, – его голос у меня в голове звучит так четко, будто он стоит прямо рядом со мной, – чем занимаешься?»

Я прогоняю видение и роняю свитер на колени.

– И что теперь?

Дэйв задумывается.

– Машина?

– Она в аэропорту.

Он кивает.

– Мы с отцом выясним, как ее вернуть. А пока, может быть, посмотреть в соцсетях? Когда ты в последний раз заходила на его страницу в «Фейсбуке»?

Вопрос Дэйва удивил меня. У нас с Уиллом общий дом, жизнь, прошлое. Наши взаимоотношения всегда строились на доверии и честности. Он не ограничивал мою свободу, а я никогда не пыталась контролировать его.

– Никогда, и нечего на меня так смотреть. Мы никогда не шпионим друг за другом. Ни у одного из нас никогда не было повода для ревности или подозрений.

Дэйв вздыхает, но не произносит вслух то, о чем думает каждый из нас.

До сих пор.

За углом раздается голос Джеймса:

– Ты где, Дэйв?

– В гардеробной, – откликается брат.

Сначала в дверной проем залетает смех Джеймса, а потом уже появляется он сам, облаченный в обтягивающий спортивный костюм с белым подарочным пакетом в руках. Его белокурые волосы, мокрые от пота и дождя, прилипли ко лбу, он задыхается.

– Мне в голову приходит столько разных шуток.

Дэйв смотрит на него во все глаза.

– Ты что, бегал по торговому центру?

Джеймс смотрит на пакет, как будто только сейчас вспомнил, что держит его в руках.

– Ах да. Айрис, это, наверно, тебе. Он висел на ручке входной двери. Записки нет.

Я беру пакет и вынимаю новенький iPhone 6, самую большую модель с таким количеством гигабайт, какого у меня никогда не было, в герметично запечатанной упаковке.

– С чего бы кому-то дарить тебе iPhone? – спрашивает Джеймс.

– Потому что ей меня жаль, и она знает, что свой телефон я разбила. – Я кладу коробку обратно в пакет и протягиваю брату.

– Ты хочешь, чтобы я его настроил? – интересуется Дэйв.

– Нет, я хочу, чтобы ты отнес его обратно в магазин, вернул деньги, а потом купил мне другой телефон, за который я заплачу сама.

– А не проще будет послать этому человеку чек?

Как обычно, брат прав. Мне нужен новый телефон, но я, черт возьми, не желаю, чтобы кто-то покупал его для меня.

– Хорошо, но тебе понадобится мой ноутбук. Он где-то на кухне. И заодно посмотри, сколько стоит телефон, ладно? – Мне нужно зайти на сайт школы и найти адрес Клэр, чтобы я могла послать ей чек по электронной почте.

– Конечно.

Ну, с этим разобрались. Джеймс, прислонившись к косяку, с интересом обозревает разгром, который мы устроили в гардеробной. В шкафах вкривь и вкось висят вешалки, на полу горы свитеров и рубашек, из ящиков свешиваются разные предметы туалета, как на распродаже в «Таргет». А хочу ли я вообще знать?

– Мы ищем хоть какую-то зацепку, – поясняет Дэйв.

– И как?

– Ничего. Даже чека с заправки.

Тон, которым Дэйв это произносит, столь же многозначителен, как и выражение его лица. У меня внутри все холодеет от страха, пока я наблюдаю за молчаливым разговором двух мужчин. «Кто не оставляет после себя следов, даже обертки от жвачки или забытой монетки? Тот, кто не хочет, чтобы его жена узнала, что он задумал». Я так отчетливо читаю их мысли, что мне даже кажется, что они произносят это вслух.

– Он меня не обманывал, – говорю я, стараясь, чтобы в голосе прозвучала переполняющая меня уверенность. Есть вещи, которые знаешь сердцем и за которые можешь поручиться головой. Это одна из таких вещей. – Нет.

Дэйв обводит рукой горы одежды и обуви на полу.

– Солнышко, никто не станет проявлять такую осторожность без причины. Тут явно что-то не так.

– Конечно, не так. Уилл сел не в тот самолет и улетел не в том направлении. Но не из-за женщины. Тут что-то другое.

Джеймс открывает было рот, чтобы высказать свое мнение, но Дэйв бросает на него предостерегающий взгляд, словно говоря: «Заткнись». Ясно, что, как только они окажутся за закрытой дверью комнаты для гостей, тут же начнут высказывать каждый свою точку зрения и строить догадки и предположения, и, похоже, мне стоит к этому привыкнуть. Мои родные не первые, кто подумает про Уилла худшее, что в Сиэтле у него была другая женщина – подружка, жена, мать его детей.

Я задыхаюсь от бешенства. Как Уилл мог так поступить со мной? Как он мог бросить меня здесь одну, беспомощную и растерянную, совершенно неготовую вести этот бой? Я хочу защитить его, защитить нас, но я не знаю как. Он не оставил мне ничего, кроме вопросов. Как я, спрашивается, должна доказать всем вокруг, что они ошибаются.

Дэйв кладет руку мне на колено.

– Мы продолжим поиски, хорошо? Мы сядем в самолет и полетим в Сиэтл, если придется. Мы что-нибудь найдем.

Я киваю, сердце сжимается от любви к моему брату-близнецу. Он предлагает мне это не потому, что верит моему мужу, а потому, что верит в меня. Он хочет найти другое объяснение только потому, что я так уверена в его существовании.

– Ты мой второй самый любимый человек на планете, – говорю я, прежде чем расплакаться, потому что это уже не так. Теперь, когда Уилла здесь нет, первое место достается Дэйву.

В воскресенье выдается один из тех ясных и погожих дней, которыми славится Атланта. Небеса синеют. Солнце припекает. Свежий ветерок пахнет травой и жимолостью. В такой день мы с Уиллом любили прогуляться по парку Пьемонт или отправиться в путешествие по тропе

Белт-Лайн. Такой день слишком ясный и солнечный для похорон.

Церемонию прощания в «Либерти эйрлайнс» было решено проводить в Ботаническом саду Атланты, и, пока я тащусь по нему в черном наряде и в темных очках, мне приходится, хотя и с неохотой, признать, что это блестящий выбор. Сад с его подвесными мостами, зеркальными прудами и яркими стеклянными скульптурами Чихули выглядит очень живописно. И что особенно важно, журналистов на территорию не пускают, а густая листва служит надежной защитой даже от самых мощных объективов фотокамер. Я представляю себе, как Энн Маргарет с энтузиазмом кивает, когда на собрании предлагается провести службу именно здесь. Кто может оставаться печальным в окружении цветущих тюльпанов?

Мама берет меня под руку, прижимаясь виском к моему плечу.

– Как ты? Держишься?

– Я в порядке.

К счастью, это правда. Как только мы въехали на парковку, все внутри меня онемело, как будто меня накачали новокаином. По-видимому, мое тело перешло в режим выживания, и я благодарна ему за эту передышку. Это лучше, чем рыдать и биться в истерику, как я делала это весь день вчера после того, как отец вручил прибывшему из авиакомпании человеку с серьезным лицом то, что ему удалось собрать в ванной на половине Уилла, – его зубную щетку, забытый обрезок ногтя, несколько волос. Ощущение завершенности – предполагается, что именно его генетическая экспертиза должна дать родственникам жертв. Но я не хочу мириться с утратой. К черту завершенность. Я хочу услышать, что им не удалось найти ни одной, даже самой крохотной частички моего мужа на том кукурузном поле.

Одетые в униформу сотрудники парка провожают нас по кирпичным дорожкам к розарию, большой поросшей травой лужайке, задним фоном для которой служит панорама центральной части города. Здесь рядами расставлены мягкие складные стулья, мы пробираемся в середину, и по пути я замечаю знакомые лица. Индианка в сари, на этот раз в белом. Чернокожий подросток уже без запонок, на его лице видны дорожки от слез. Их влажные лица блестят на солнце, как бекон, и я радуюсь, что на мне темные очки. Особенно когда я замечаю стоящую в стороне Энн Маргарет. Тоска, явно читающаяся на ее лице, заставляет меня вспомнить Лейк-Форест и прыщавых девчонок, отчаянно жаждущих быть принятыми в популярную тусовку. Мы «ее» семья, и мы отталкиваем ее. Я посылаю ей самый холодный взгляд, на который только способна, и отворачиваюсь.

Церемония представляет собой растянувшуюся на полтора часа мучительную пытку, сопровождаемую дурацкими песнями и бесконечной чередой речей, произносимых людьми, которых я никогда прежде не встречала и вряд ли увижу вновь. Свои соболезнования они облачают в форму нелепых банальностей, вроде: «Пусть ваша любовь будет сильнее вашего отчаяния и скорби» или «Давайте же постараемся заполнить эту пустоту любовью и надеждой». Надеждой на что, черт возьми? «Либерти эйрлайнс» отняла у меня надежду.

«Либерти эйрлайнс». Когда я произношу эти два слова, меня трясет от злости. Я ненавижу их за небрежность механиков, за фальшивую заботу, за некомпетентность специалистов, отвечающих за разработку алгоритма действий в чрезвычайных ситуациях, и за непрофессионализм экипажа. Если бы пилот разбившегося самолета не погиб в катастрофе, я убила бы его собственными руками.

А где семья летчика? Она здесь? Я изучаю лица людей, рыдающих вокруг меня, пытаюсь отыскать его жену или мужа и их детей. Осмелятся ли они прийти? Осмелятся ли посмотреть в лицо тем ста семидесяти восьми другим семьям, зная, что их любимый человек совершил ошибку, которая привела к падению самолета?

После службы мы подходим к столам с напитками, расставленными возле увитой розами арки, больше уместной на свадьбе, чем на похоронах. Цветы не распустятся еще несколько недель, их тугие бутоны только начинают набухать, но с оптимизмом стремящиеся вверх стебли с бледно-зелеными побегами будто бы насмеваются надо мной. «Живые, живые, живые» – так и кричат они, а мой

Уилл нет.

– Принести тебе что-нибудь попить? – спрашивает отец, указывая на стоящего в столпе официанта с подносом.

– Колу, – отвечаю я, хотя совсем не испытываю жажды. Если в руках у меня будет стакан, я, по крайней мере, не смогу никого ударить, думаю я. Но как только отец собирается исчезнуть в толпе, мне в голову приходит другая мысль.

– Мы же можем просто уехать? Я хочу домой.

Мама и отец переглядываются.

– Может, ты хочешь поговорить с кем-то из родственников других пассажиров?

– Нет. Я правда не хочу. – Как психолог, я верю в групповую терапию, верю в то, что, общаясь с другими людьми, пережившими похожую трагедию, можно найти утешение. Но общение с этими людьми будет означать, что я смирилась с тем, что Уилл был в том самолете, и, пока результаты экспертизы ДНК не докажут мне обратное, я буду продолжать отрицать этот факт.

Передо мной возникает мой босс, Тед Роулингс. Хотя и не ожидала увидеть его здесь, я совсем не удивлена. Он считает всех в Лейк-Форест, и сотрудников, и учеников, одной большой семьей. Конечно, он не мог пропустить похороны.

Он берет мою руку и сжимает в своих ладонях.

– От имени всех в Лейк-Форест выражаю вам самые глубокие и искренние соболезнования. Я очень сожалею о вашей утрате. Если мы можем что-то для вас сделать, пожалуйста, дайте мне знать.

У меня на глаза наворачиваются слезы, но не от слов, которые он произносит, а при виде его галстука – черного, сдержанного и серьезного, совсем не похожего на те яркие галстуки, которые он носит в школе. Галстук для похорон, если такие бывают. Он наверняка купил его специально для этого случая, и эта мысль заставляет меня почувствовать невероятную, необъяснимую печаль. Мне не нужно их сочувствие. Мне не нужны добрые слова. Мне нужно только, чтобы

вернулся мой муж.

– О, Айрис, – произносит знакомый голос, и я оказываюсь в объятиях трех моих лучших подруг. Глаза у них красные и опухшие. Элизабет, Лиза и Кристи окружают меня, их объятия пахнут цветами, медом и слезами.

– Его не должно было быть в том самолете, – говорю я, пока мы стоим, прижимаясь друг к другу лбами. – Он должен был быть в Орландо.

Не в силах что-либо сказать или как-то обнадежить меня, они просто молча сильнее сжимают меня в своих объятиях. Они настолько хорошо меня знают, что им не нужно заполнять тишину банальностями. При этой мысли мое сердце наполняется любовью и одновременно снова сжимается от горя.

– Спасибо, что пришли, – шепчу я как раз перед тем, как мама решает вмешаться. Она проделывала то же самое на праздновании сороковой годовщины их с отцом совместной жизни в прошлом году, подходя к гостям, если ей казалось, что чье-то общение слишком затянулось. Она берет людей за руки и увлекает за собой, и ее улыбка такая искренняя, а движения такие плавные, и вся она – воплощенная мудрость

Следующим к нам подходит светловолосый мужчина в полосатом костюме.

– Я не мог видеть вас в Центре помощи семьям?

– Да, я была там, – отвечаю я и умолкаю. Я бы точно запомнила этого парня из-за его роста. Он очень высокий, таких обычно видишь на баскетбольной площадке.

Но я была расстроена, а он, возможно, сидел. В любом случае я уверена, что он потерял кого-то в том самолете. Выражение лица у него вежливое и приятное, но его выдают глаза. Они смотрят затравленно, и в этом взгляде нет ничего приятного.

Он протягивает мне руку:

– Эван Шеффилд. В самолете были моя жена и маленькая дочь.

Я вздрагиваю и чувствую нечто похожее на облегчение. Этот бедняга потерял сразу двоих. Оказывается, здесь есть люди, которым еще хуже, чем мне.

– Айрис Гриффит. Мой муж Уилл... – Я сглатываю. Мне до сих пор не удастся произнести эти ужасные слова.

Эван кивает, по его лицу я вижу, что он меня понимает. Конечно, понимает.

– Я хотел сказать вам, что организую общество друзей и членов семей пассажиров и экипажа. Я считаю, что, если держаться вместе, нам будет легче справиться.

– С чем именно?

– Ну, например, для начала решить, что мы должны делать и кого нам следует слушать. Не знаю, как вы, но лично я не собираюсь слепо следовать плану, который наметил мой специалист по содействию. Не уверен, что сотрудники «Либерти эйрлайнс» так уж будут стремиться защищать наши интересы.

– Согласна.

– Хорошо. – Он достает из кармана пиджака визитную карточку и протягивает ее мне. На ней красивыми синими буквами напечатана его фамилия. – Сбросьте мне по имейлу вашу контактную информацию, и я внесу вас в список. Первая встреча состоится в начале следующей недели в офисе моей фирмы «Роджерс, Шеффилд и Ши» в центре города. Адрес и информацию о парковке я пришлю в ответном письме.

Я знаю «Роджерс, Шеффилд и Ши». Все на Юге знают эту адвокатскую фирму, после того как они добились отмены приговора, вынесенного в 2001 году, в отношении Троя Коулса, жителя Саванны, осужденного на смерть за убийство, которого он не совершал. Я снова смотрю на имя на карточке, теперь я припоминаю, что так звали адвоката, который вел это дело.

– Вы тот самый Эван Шеффилд?

– Да, и я не единственный адвокат в группе, если вы об этом. У нас также есть пара медсестер, специалист по лечению сном и несколько врачей. Если обладаете каким-то талантом или специальными знаниями, вы могли бы стать волонтером, напишите мне в имейле. Это, разумеется, не обязательно. Вы просто можете прийти и послушать.

– Моя дочь психолог, – не может удержаться мама. – Училась в колледже Агнес Скотт и университете Эмори.

– Не уверена, что могу быть чем-то полезна, – быстро говорю я. – Я сама еле держусь.

Эван делает попытку улыбнуться, но это скорее похоже на гримасу.

– Добро пожаловать в наш клуб. Все говорят мне, что мы это переживем, но, если вы спросите меня, я отвечу, что жюри еще совещается. – Он вздыхает, пытаюсь взять себя в руки. – В любом случае рад был познакомиться и жду от вас имейл.

Он отходит, и я вижу, как он заговаривает с кем-то еще. Плечи его поникли от усталости, которую чувствую и я. Горе отнимает много сил, а этот человек потерял двух человек против моего одного. Где он берет энергию? Я перевожу взгляд на густую, мягкую траву, и мне приходит в голову мысль: а что, если я прилягу на нее, всего на минутку?

Дэйв встает рядом со мной и обнимает меня за талию, я обессиленно склоняюсь ему на грудь. Когда я говорила Эвану, что едва держусь, я действительно имела это в виду – нервы мои так напряжены, что я вот-вот упаду. То же самое я думала, когда сказала маме, что хочу домой. Внезапно желание уйти становится нестерпимым. Я больше не могу выносить это сборище скорбящих.

– Уходим.

Дэйв показывает другой конец лужайки, где официанты водружают на стол гигантские подносы с едой:

– Но...

– Я не шучу, Дэйв. Я хочу, чтобы ты увез меня отсюда. Сейчас.

Дэйв оглядывается через плечо, вытягивая шею.

– Хорошо, но мама только что ушла искать дамскую комнату, и я не знаю, где Джеймс. – Он оборачивается ко мне и крепко сжимает мою руку. – Держись. Я пошел собирать войска.

– Отлично. Спасибо.

Как только он уходит, кто-то тянет меня за рукав. Не успев взять себя в руки, я оборачиваюсь с перекошенным от злости лицом.

– Ну что еще?

Если этого человека и обидела моя невоспитанность, по нему не скажешь. Он улыбается, белозубая улыбка кажется еще ослепительнее на фоне кожи цвета кофе, в руках у него стакан с чистой минеральной водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сири – вопросно-ответная система в iOS-устройствах.

2

Дорогая, милая, малышка (гол.).

3

Детка (гол.).

4

Малышка (гол.).

Купить: https://telnovel.com/bell-_kimberli/lzhivyy-brak

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)